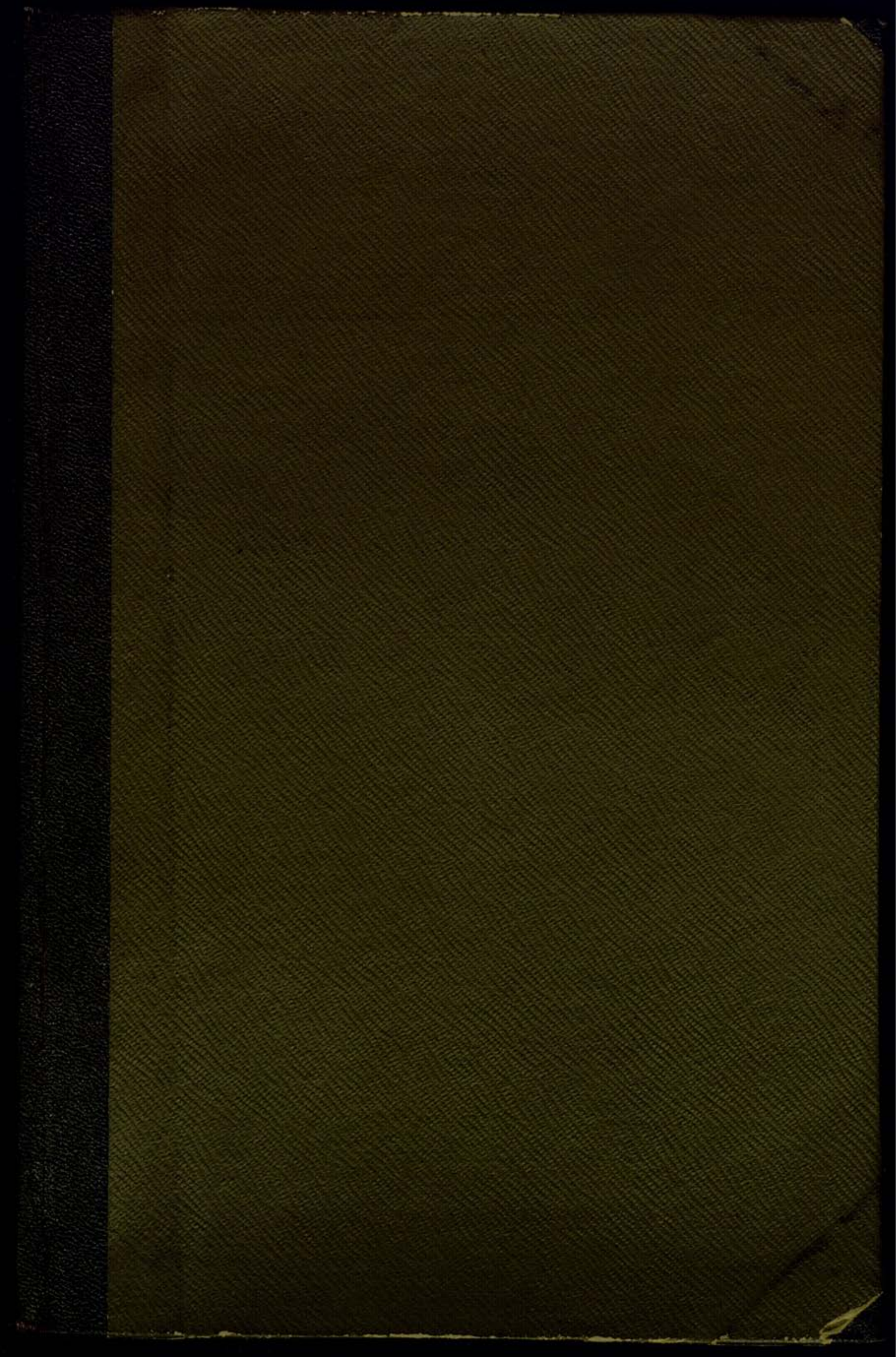

КАКЪ МЫ ПРОШЛИ СЪ БѢЛАГО МОРЯ ВЪ ФИНЛЯНДІЮ.

(ОТКЛИКИ ВОЙНЫ НА СѢВЕРѢ.)

К. СЕНТЪ-ИЛЕРЪ.

ЮРЬЕВЪ, ЛИФЛ.

Какъ мы прошли съ Бѣлаго моря въ Финляндію.

(Отклики войны на сѣверѣ.)

К. Сентъ-Илеръ.

Юрьевъ, Лифл.

Типо-цинкографія Я. Мялло, Рыцарская 4.

1915.

Дозволено военною цензурою — Юрьевъ, 27 мая 1915 г.

Для нашихъ зоологическихъ изслѣдованій мы избрали Ковденскій заливъ, который лежитъ на юго-западномъ берегу Кандалакшской губы, верстахъ въ 60 отъ ея конца. Мѣстность замѣчательно живописная благодаря изрѣзанности береговъ и обилію острововъ, удобная для работы и для жизни. Въ глубинѣ залива расположена деревня Ковда при впаденіи рѣчки, а на островахъ лѣсопильные заводы: Русановскій — русскій, Стюарта — англійскій и Бергрена — шведскій. Благодаря любезности администраціи заводовъ и содѣйствію начальника мѣстной таможенной заставы К. А. Дьяконова, мы имѣли возможность устроиться болѣе прочно въ Ковдѣ и организовать временную біологическую станцію, помѣщеніе для которой предоставлено намъ шведскимъ заводомъ. Вотъ уже пятый годъ студенты Юрьевскаго Университета работаютъ въ Ковдѣ.

На нашей маленькой біологической станціи собралось нынче довольно немногочисленное и пестрое населеніе: четверо студентовъ нашего Университета, изъ которыхъ только одинъ зоологъ, а остальные присоединившіеся къ нему для компаніи, четыре слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, одинъ преподаватель изъ Челябинска и я. Самъ я попалъ въ Ковду довольно случайно, просто пріѣхалъ немного провѣтриться. Пробывъ тамъ двѣ недѣли, я намѣревался вернуться домой. Надо было только сдѣлать прощальные визиты къ нашимъ ковденскимъ знакомымъ, которые такъ мило всегда къ намъ относятся и принимаютъ, какъ родныхъ.

„Значитъ, господа, сегодня ѣдемъ всѣмъ скопомъ къ Дьяконовымъ?“

„Есть. Эй, дежурный! Приготовить „Кліона", взять парусъ!"

Вѣтерокъ свѣжій, намъ приходится грести противъ вѣтра, и на фарватерѣ насъ порядкомъ захлестываетъ волна, по наша публика уже свыклась съ моремъ и держится молодцомъ.

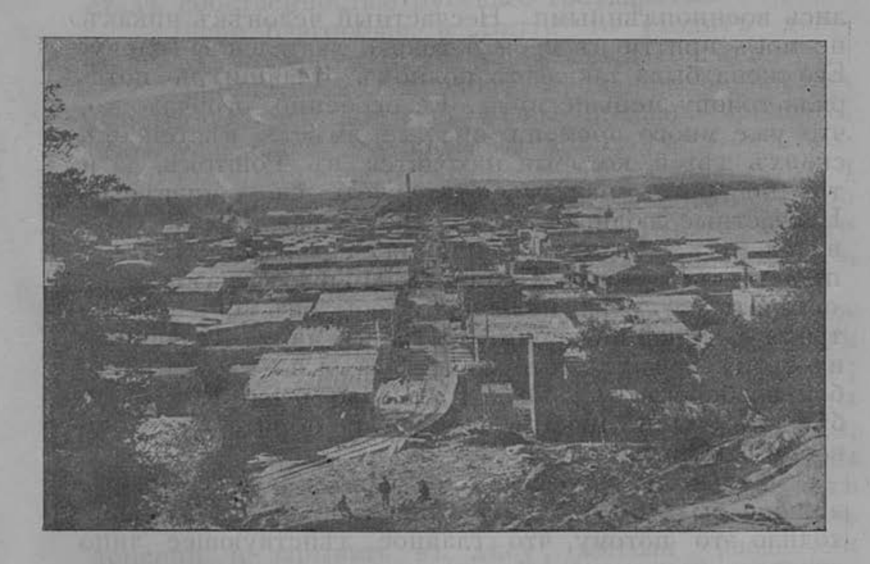
У Дьяконовыхъ, всегда столь радушныхъ и привѣтливыхъ, мы почувствовали какую то странную неловкость; какое то волненіе и безпокойство. Посидѣли немного у нихъ, а потомъ рѣшили всѣ пойти на заводъ въ кинематографъ. Попали на конецъ представленія, послѣ котораго начались танцы. Здѣсь начала понемногу выясняться причина общаго смущенія. Поговаривали о какихъ то важныхъ извѣстіяхъ, полученныхъ по телеграфу, о надвигающихся серьезныхъ событіяхъ и, наконецъ, мы узнали въ точности, въ чемъ дѣло: было получено телеграфное извѣстіе о томъ, что вчера, т. е. 19 Іюля Германія объявила намъ войну. Это извѣстіе поразило насъ, конечно, какъ громомъ. Правда, уже нѣсколько дней тому назадъ была объявлена мобилазація, и съ мѣстныхъ заводовъ шло около 160 человѣкъ на призывъ, но ждали войны съ Австріей; почему же начала Германія?

Намъ однако казалось, что насъ лично это извѣстіе касается мало. Распростившись съ Дьяконовыми, мы въ довольно благодушномъ настроеніи сначала на веслахъ, а потомъ съ хорошимъ попутнымъ вѣтеркомъ поплыли домой. На слѣд. утро я созвалъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ, оставаться ли еще въ Ковдѣ, или всѣмъ ѣхать съ первымъ же пароходомъ черезъ Архангельскъ въ Петроградъ. Часть обитателей въ виду тревожнаго времени и семейныхъ обстоятельствъ рѣшила во всякомъ случаѣ ѣхать, остальные же сомнѣвались и склонялись больше къ оставанію. Кто рѣшилъ ѣхать, начали понемногу съ большимъ сожалѣніемъ собираться въ дорогу.

Днемъ однако начали доходить до насъ извѣстія, которыя поколебали первоначальное рѣшеніе: была получена телеграмма о томъ, что мимо Александровска на Мурманѣ прошли 3 военныхъ германскихъ судна, направляющихся въ Бѣлое море. Невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи не было ничего; англичане во время Крымской кампаніи натворили не мало бѣдъ въ Бѣломъ морѣ, а у нѣмцевъ теперь есть тамъ много интересовъ. Во всякомъ случаѣ, достаточно одного маленькаго военнаго судна, чтобы сдѣлаться хозяевами въ Бѣломъ морѣ, такъ какъ у насъ тамъ

нѣтъ ни одного судна, если не считать несчастнаго „Бакана", которому не догнать и простого траулера. Къ вечеру наше безпокойство усилилось зивѣстіемъ, что пароходъ Мурманскаго общества „Ксенія", шедшій въ Ковду, дошелъ только до Керети и повернулъ обратно. Этотъ фактъ подтверждалъ опасенія на счетъ появленія германцевъ. Печально, что мы не получимъ почты, такъ какъ ее только на лодкахъ могутъ привезти въ Ковду. Уѣхать мы еще могли на другомъ пароходѣ, который долженъ былъ притти по другой линіи — Кандалакшской.

Началась спѣшная уборка станціи и распредѣленіе вещей остающихся и идущихъ съ нами. Подъ

вечеръ на заводъ пріѣхалъ снова К. А. Дьяконовъ по весьма непріятному дѣлу: онъ получилъ приказаніе арестовать стоящій у шведскаго завода германскій грузовой пароходъ „Утгартъ" и затопить его. Съ одной стороны были опасенія, что команда изъ 20 человѣкъ можетъ оказать сопротивленіе, съ другой стороны по человѣчеству жалко было капитана, который былъ застигнутъ здѣсь совершенно случайно и терялъ съ судномъ все. За всю свою тяжелую жизнь онъ скопилъ тысячъ 50 марокъ и вложилъ ихъ въ пароходъ. Съ утратой его онъ дѣлался нищимъ. Мы явились невольными свидѣтелями этой маленькой драмы, маленькаго слѣдствія войны. А сколько такихъ драмъ еще болѣе жестокихъ и несправедливыхъ должно совершиться на всемъ материкѣ Европы.

Администрація завода и мѣстное начальство собралось сначала въ конторѣ завода, а затѣмъ всѣ двинулись къ пароходу. Тамъ уже очевидно предчувствовали, что должно совершиться что то особенное, такъ какъ на немъ съ утра дежурили досмотрщики и нагрузка шла умышленно очень вяло. За штабелями досокъ на всякій случай собрали человѣкъ 100 рабочихъ. Дѣло обошлось къ счастію совершенно мирно, ни малѣйшаго сопротивленія оказано не было, а нѣкоторые матросы, узнавъ о войнѣ, пришли въ весьма веселое настроеніе.

Капитану было объявлено, что онъ со всей командой долженъ покинуть пароходъ; они становились военноплѣнными. Несчастный человѣкъ никакъ не могъ притти въ себя и только хватался за голову. Его жена была также въ полномъ отчаяніи, но потеряла голову меньше мужа. Ее особенно огорчало то, что уже много времени она не имѣетъ вѣстей отъ своихъ дѣтей, которыя находятся въ Роштокѣ, да и трудно было надѣяться получить скоро извѣстія. Несчастные люди не знали еще, какая судьба готовится ихъ „Утгарту"; они предполагали, что его просто арестуютъ. Капитанъ просилъ разрѣшенія оставить на суднѣ механика, чтобы онъ могъ присмотрѣть за машиной; они заботились объ оставшихся на суднѣ вещахъ, которыя нельзя было взять съ собой на берегъ. Слишкомъ жестоко было ихъ разубѣждать. Они никакъ не могли понять, что они военноплѣнные.

Самый актъ ареста, т. е. формальная его часть, лишена была необходимой торжественности. Происходило это потому, что главное дѣйствующее лицо страдало при этомъ чуть не столько же, какъ и самъ капитанъ. Человѣкъ добрѣйшей души, К. А. Дьяконовъ по волѣ случая исполнялъ обязанности начальника порта и долженъ былъ выполнять приказъ начальства. Онъ страдалъ за капитана; страдалъ потому, что зналъ судьбу парохода, не хотѣлъ съ одной стороны поразить страшнымъ извѣстіемъ капитана, а съ другой стороны не хотѣлъ его вводить и въ заблужденіе. За эти нѣсколько часовъ онъ осунулся и постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Мы не узнавали всегда веселаго и бодраго К. А.

Наконецъ протоколъ былъ подписанъ, судовые документы приняты; начался актъ снятія команды. Послѣдняя совершенно преобразилась: вмѣсто банды хулигановъ, какими они были на суднѣ, на перекличку явились изящно по праздничному одѣтые джентль-

мены въ котелкахъ и крахмальномъ бѣльѣ. Капитанъ самъ дѣлалъ въ послѣднiй разъ перекличку своей команды. Въ ней оказались не одни германскie подданные, но и шведы, датчане и др., т. е. принадлежащiе къ нейтральнымъ государствамъ. Такъ какъ помѣстить ихъ на заводѣ было некуда, то имъ отвели помѣщенie въ томъ домѣ, который Шведскiй заводъ любезно предоставлялъ намъ подъ станцiю, которую мы спѣшно очищали. Такимъ образомъ, „наши враги" оказались нашими ближайшими сосѣдями на эту ночь. Капитана съ женой пригласилъ къ себѣ управляющiй заводомъ г-нъ Магнусонъ, офицеровъ же и механиковъ взяли другie служащiе завода. И такъ, „Утгартъ" сталъ собственностью русскаго государства.

„Ваше благородie, а „Витте" то уходитъ" доложилъ въ это время К. А. таможенный солдатъ.

Дѣйствительно, пароходъ Мурманскаго общества „Сергiй Витте", который только недавно пришелъ, былъ уже далеко въ морѣ. А между тѣмъ онъ долженъ былъ перевезти плѣнныхъ въ Архангельскъ и забрать туда же запасныхъ. Но эти послѣднie скоро вернулись на заводъ и сообщили, что „Витте" никого не взялъ, и спѣшно пошелъ прямо въ Архангельскъ, вызванный телеграммой.

И такъ, послѣдняя надежда попасть въ Архангельскъ пропала: мы оказались отрѣзанными въ Ковдѣ отъ Россiи. Приходилось ждать минимумъ недѣлю; да и то на приходъ срочныхъ пароходовъ надежды почти не было. Во первыхъ, намъ угрожали нѣмцы, во вторыхъ наши пароходы, какъ говорили, должны вооружиться и превратиться въ крейсера. Въ Ковдѣ началась паника: приказано провiантъ увозить изъ деревни и зарывать въ лѣсу; жители укладывали свой скарбъ и также хотѣли бѣжать въ лѣсъ. Опять созванъ былъ военный совѣтъ: что же намъ дѣлать? Было только два исхода — или ждать въ Ковдѣ, или направиться черезъ Финляндiю домой, пока еще не поздно. Боясь, что намъ вовсе не удастся выбраться изъ Ковды, я особенно настаивалъ на второмъ планѣ. Такъ и рѣшили. Это было тѣмъ болѣе соблазнительно, что объ этомъ пути мы много слыхали и читали, но ввиду его длинности безъ такого внѣшняго побужденiя конечно не рѣшились бы испробовать. Наше рѣшенie было одобрено и всѣми мѣстными жителями. И такъ, ѣдемъ черезъ Финляндiю. Значитъ, приходится брать съ собой только самое необходимое, что можно унести на себѣ, такъ какъ тамъ придется итти пѣшкомъ. Значитъ весь нашъ личный багажъ, книги,

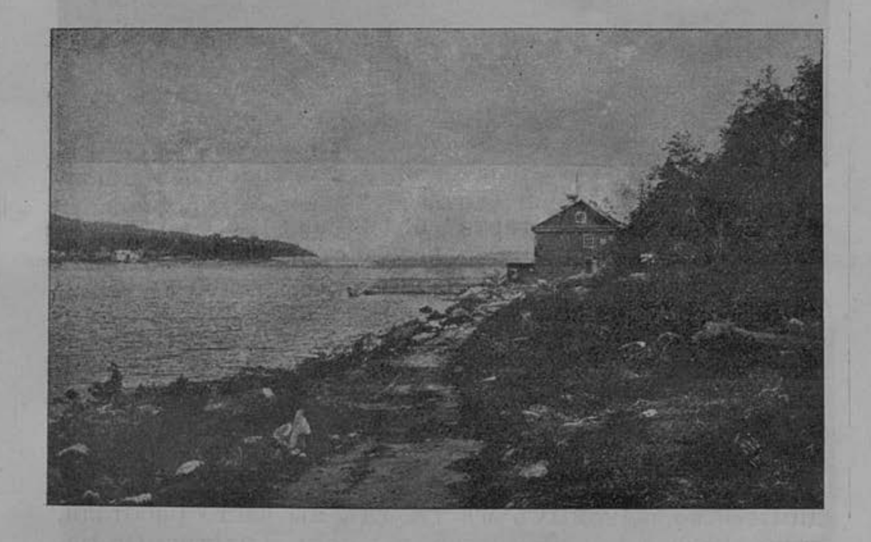
инструменты — все приходится покинуть въ Ковдѣ въ надеждѣ на лучшія времена, когда возстановится сообщеніе и удастся прислать багажъ въ Петроградъ

На станціи кипитъ работа: сносится въ одно мѣсто имущество станціи, упаковываются въ ящики казенные инструменты, экономъ бѣжитъ въ лавку закупить на дорогу провизію. Особенно приходится позаботиться о томъ, что взять съ собой; конечно самымъ удобнымъ походнымъ багажемъ служитъ рукъ-закъ. Тѣ, кто имъ не запасся, сооружаютъ себѣ нѣкоторое подобіе его изъ простыхъ мѣшковъ. Я жалѣлъ потомъ, что не поступилъ такъ-же; хотя у насъ на двоихъ (у меня и моего сына) и былъ взятъ съ собой только маленькій ручной чемоданчикъ съ самымъ необходимымъ, но тащить его было неудобно и поэтому онъ казался вдвое тяжеле. Чтобы не взять чего нибудь лишняго, приходилось разсуждать о каждой вещи въ отдѣльности. И съ тѣмъ жалко разстаться, и то надо взять. У нѣкоторыхъ набирается чуть не по два пуда въ рукъ-закѣ. Наконецъ все кончено, всѣ готовы. Прилегли немного заснуть подъ утро. Спится плохо, тревожно. Заходитъ К. А. Поимъ его чаемъ и стараемся ободрить; его мучитъ необходимость потопить „Утгарта", хочется найти какой нибудь поводъ, чтобы отложить этотъ актъ убійства, но никакъ не удается; кингстоны найдены, открыть ихъ можно; найдено и мѣсто для потопленія.

Надо однако намъ позаботиться о томъ, какъ добраться до деревни Княжой, которая лежитъ въ Кандалакшской губѣ сѣвернѣе Ковды и отъ которой начинается путь черезъ Корелію въ Финляндію. Обыкновенно въ нее можно попасть на пароходѣ, но теперь этого нельзя. Заводъ обѣщаетъ дать намъ свой буксиръ „Толстикъ", но только подъ вечеръ, а намъ не терпится, хочется скорѣе ѣхать. Потому мы рѣшаемъ уже пробираться въ Княжу сухимъ путемъ; говорятъ, что дорога туда довольно хорошая. Выручаетъ насъ управляющій англійскаго завода А. В. Вардропперъ, который любезно предлагаетъ намъ довезти насъ до Княжой на моторкѣ. Мы конечно съ радостью и благодарностью встрѣчаемъ это предложеніе. Пока приготовляется моторъ, мы идемъ прощаться на заводъ съ нашими любезными хозяевами шведами. Имъ конечно уже не до насъ; поэтому прощаніе выходитъ торопливое и озабоченное. Въ свою очередъ и къ намъ съ прощальнымъ визитомъ приходятъ наши „враги": капитанъ „Утгарта" съ женой и штурманами. Опять они жалуются и плачутъ, мы утѣшаемъ ихъ и угощаемъ

чаемъ. Они видимо тронуты нашимъ участіемъ. Право самъ Вильгельмъ не смогъ бы назвать наше обращеніе съ „врагами“—русскимъ звѣрствомъ. Наше настроеніе немного портитъ только замѣчаніе капитанши, которая съ мечтательнымъ видомъ говоритъ: „какъ хорошо бы, если бы въ Бѣломъ морѣ появился ein kleines Deutsches“. Мы держимся какъ разъ противуположнаго мнѣнія, но изъ вѣжливости принимаемъ ея замѣчаніе въ шутку.

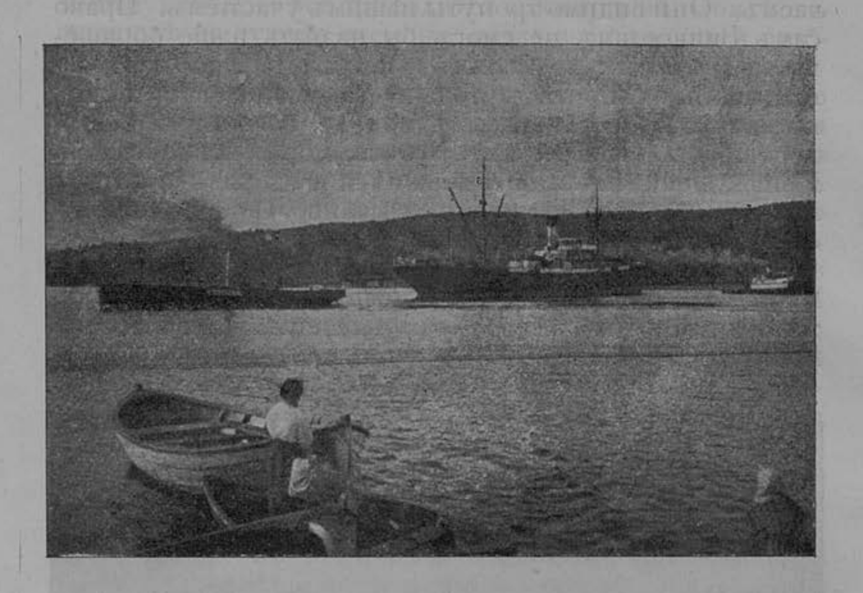
Послѣдній разъ пьемъ мы на станціи чай и вспоминаемъ тѣ дни, которые прожили мы здѣсь вмѣстѣ, такъ дружно и весело, съ увлеченіемъ работая на морѣ и въ лабораторіи.

Моторка подана, живо нагружаемся и трогаемся въ путь. Съ Богомъ, отваливай!

Это было значитъ вечеромъ во вторникъ, 22-го Іюля.

Какъ разъ въ это время въ губѣ два заводскихъ пароходика „Спокойный“ и „Толстикъ“ развертываютъ „Утгарта“; они кажутся такими маленькими передъ этимъ гигантомъ. На капитанскомъ мостикѣ суетится лоцманъ и охрипшимъ дикимъ голосомъ командуетъ: „правѣй, впередъ, трави еще.“ Сердце сжимается при видѣ этого колосса, ведомаго на казнь. На берегу собрались наши „враги“ и слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ въ губѣ. При нашемъ отплытіи они дружно привѣтствуютъ насъ, машутъ платками и кричатъ: „adieu, glückliche Reise“ и др. пожеланія.

Обгоняемъ „Утгарта“ и ведущаго его „Спокойнаго“. На послѣднемъ показывается нашъ покровитель К. А. Дьяконовъ. Мы изо всѣхъ силъ выкрикиваемъ ему наше спасибо и пожеланія всего лучшаго. Даже въ такую тяжелую минуту жизни онъ вспомнилъ насъ — это онъ попросилъ для насъ моторку. Еще разъ кричимъ: „До свиданія! Спасибо!“ Спасибо вамъ, добрѣйшій К. А., отъ всей души; мы всегда будемъ помнитъ ваше гостепріимство!

Погода стоитъ чудесная, жаль уѣзжать. Проходимъ мимо знакомыхъ мѣстъ, гдѣ мы часто работали, гдѣ знаемъ каждый камушекъ: вотъ Толстичные Баклыши — ввидѣ голыхъ камней, выступающихъ изъ воды; вотъ Марфица и Баклышъ со знакомъ; вотъ красавица Кивреиха, а подальше виденъ и лѣсистый Вачевъ. Ковда понемногу скрывается; лица у всѣхъ дѣлаются грустными; я думаю, что скажи я: „а не повернуть ли обратно?“ — всѣ съ восторгомъ присоединились бы къ моему призыву. Прощай, милая Ковда; сколько у насъ соединено съ ней свѣтлыхъ, отрадныхъ воспоминаній! Не знаю право почему, но всѣ уносятъ отсюда такое впечатлѣніе.

Грустное сосредоточенное настроеніе заставляетъ всѣхъ насъ молчать; мало смотрятъ даже по сторонамъ, а смотрѣть есть на что. Особенно красивъ сплошь покрытый лѣсомъ высокій мысъ Толстикъ, который закрываетъ Ковду съ сѣвера. За Вачевымъ по

Кандалакшской губѣ разбросано множество острововъ разной величины. Давно мы уже не видали губу въ такомъ парадѣ. Дивно хороша она сегодня. Море гладкое, освѣщено вечернимъ солнцемъ; на немъ рѣзкими очертаніями выступаютъ острова на фонѣ туманныхъ далекихъ Кандалакшскихъ горъ, подернутыхъ синеватой дымкой. Насколько ясны очертанія острововъ, настолько мягки волны далекихъ горъ, уходящихъ въ глубину губы.

Нашъ кормчій всматривается въ берегъ и отыскиваетъ въ немъ входъ въ узкую Княжую губу. Это длинный фіордъ съ довольно низкими берегами. Отовсюду при проходѣ моторки поднимаются стада дичи. Довольно долго идемъ по губѣ; наконецъ въ глубинѣ ея становится видна деревня. Насъ какъ будто ждутъ; вся деревня высыпала на берегъ. Между темной одеждой мужиковъ мелькаютъ яркія сарафаны и платки бабъ; множество бѣлоголовыхъ ребятишекъ толчется между ногами. Настроеніе молчаливое и сосредоточенное. Насъ встрѣчаютъ недружелюбно, т. к. ждали парохода и свѣжихъ новостей, и конечно всѣ разочарованы, узнавъ, что парохода не будетъ. Ихъ запаснымъ придется на лодкахъ отправляться въ Ковду.

Забираемъ свои вещи и отправляемся на станцію земской почты. Не люблю я сѣверныхъ рыбачьихъ деревень: въ нихъ нѣтъ прямыхъ улицъ; дворы разбросаны безъ всякаго порядка, всюду грязь, валяются бревна, доски; если бы не деревянныя кла-

дочки, то по улицѣ нельзя было бы и пройти. Только около моря видъ попараднѣе: виденъ рядъ сарайчиковъ, сушатся сѣти. Чувствуется, что населеніе живетъ здѣсь моремъ исключительно; около домовъ даже нѣтъ намека на садики или огороды. Но видно, что населеніе не нуждается: избы внутри большія, на окнахъ занавѣсочки, цвѣты, чисто и тепло. Для теплоты вѣроятно потолки дѣлаются очень низкіе: человѣку высокому и не вытянуться; и окошечки маленькія.

Говорятъ здѣсь хотя и чисто по русски, но населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ кореляковъ, православныхъ финновъ. Здѣсь начинается ихъ царство и такъ идетъ сплошь до финляндской границы. Между собой они говорятъ уже и здѣсь по фински, но по костюму вы не отличите ихъ отъ коренного русскаго поморскаго населенія: тѣ же сарафаны у бабъ, вышитые золотомъ повойники, а у дѣвушекъ узенькія цвѣтныя повязки на головѣ. И названія мѣстныя по большей части тоже финскаго происхожденія; такъ напр. озеро Ковдо произошло отъ финскаго Koutojärvi, что значитъ широкое озеро; Тутъ-озеро, Ругъ-озеро и Соколъ-озеро суть передѣланные Tutijärvi, Ruan и Soukelo-järvi.

Два слова о земской почтѣ. Она отличается отъ казенной. Право на содержаніе земской станціи сдаютъ съ торговъ съ обязательствомъ перевозить почту и лицъ ѣдущихъ по казенной надобности. Частныхъ лицъ, они перевозить не обязаны и поэтому они могутъ съ нихъ брать втридорога. Особенностью бѣломорской земской почты является то, что только зимой она идетъ на лошадяхъ, лѣтомъ же почту везутъ на карбасахъ, причемъ вмѣсто каждой лошади дается двѣ, какъ здѣсь говорятъ „женки", т. е. бабы и дѣвки. Нашихъ барышень мы тоже звали для краткости и въ шутку „женками." Почтовый трактъ отъ Княжой идетъ по морю въ Кандалакшу и въ Ковду, а также и по озерамъ вглубь страны, куда направлялись и мы. Не будь земской почты, мы не могли бы ѣхать этимъ путемъ, такъ какъ обошлось бы это слишкомъ дорого. Да и то намъ приходилось заботиться постоянно о второмъ карбасѣ, такъ какъ насъ было 11 человѣкъ, а въ земскомъ карбасѣ помѣщалось человѣкъ 6. Хорошо, что насъ здѣсь уже знали, такъ какъ трое изъ нашихъ студентовъ работали на Ковдозерѣ и пріобрѣли здѣсь многочисленныхъ знакомыхъ, особенно среди прикащиковъ Ковденскихъ лѣсопильныхъ заводовъ.

При ихъ содѣйствіи намъ всюду удавалось добывать карбаса.

Хояйка станціи — бойкая старушка — встрѣтила насъ съ большимъ недовѣріемъ, хотя и знала, что мы прибыли на стюартовской моторкѣ, значитъ находимся подъ покровительствомъ заводовъ.

„А вы куда поѣдете то?" начала она допросъ съ характернымъ архангельскимъ затягиваніемъ послѣднихъ слоговъ.

„Въ Ковдозерскую."

„На земскомъ?"

„Да, на земскомъ."

„Такъ . . . Не знаю какъ ужъ мы и справимся. Рукъ то теперь не найти. Селедка то пошла, такъ всѣ ушли въ море. Гдѣ тутъ найдешь. Пріѣдетъ приставъ или кто, скажетъ, гдѣ карбасъ? А гдѣ его возьмешь; земскій то одинъ. Вонъ чиновникъ ѣхалъ; посадила его съ запасными изъ Кандалакши; не хочу говоритъ, зачѣмъ съ запасными, а откуда я возьму. Вотъ горе; пошто и бралась то; думашь много заработаемъ. Только безпокойство одно. Бумажка то есть у васъ?"

„Вотъ на, тетка, получай" — показываемъ мы наши открытые листы.

„Ладно, ладно" . . . Она надѣваетъ на носъ старые очки и про себя внимательно прочитываетъ текстъ листовъ. — „А что же тутъ числа то не поставлено?"

„Какъ не поставлено? Вотъ смотри — 30 мая 1914 года . . . все поставлено."

„Ну, ладно, ладно, вижу. Вотъ четверка отчего не настоящая?" Ей показалась подозрительной цифра 4, потому что она поставлена отъ руки, тогда какъ 191 — отпечатаны на бланкахъ открытыхъ листовъ. Ну, и тетка! Прямо ей министромъ быть.

„Такъ какъ же, карбасъ будетъ намъ?"

„Ну, будетъ, будетъ. А только у васъ клади много, такъ ужъ мы нести не можемъ. По 30 фунтовъ на человѣка какъ есть положеніе, такъ понесутъ, а что ужъ больше, то какъ желаете".

„Это ужъ мы все устроимъ, а теперъ бабка намъ бы самоварчикъ".

„Сейчасъ, сейчасъ дадимъ".

Самоварчикъ быстро поспѣваетъ и мы съ удовольствіемъ усаживаемся за ужинъ. Эхъ, жалко вотъ не удалось купить селедки, а то бы сварили на прощаніе съ Бѣлымъ моремъ ухи. Что можетъ быть лучше ухи изъ свѣжей селедки. Какъ подходили къ

Княжой, такъ видали нѣсколько лодокъ полныхъ только что пойманной рыбой, изъ которыхъ черпаками накладывали въ ведра живую блестящую селедку, а купить ее уже не удалось.

Къ концу нашего чая набралось въ избѣ куча народу; какіе то проѣзжающіе изъ Кандалакши, которые ходили взядъ и впередъ и очень волновались насчетъ дальнѣйшаго путешествія. Имъ предстоялъ дѣйствительно очень тяжелый путь на лодкахъ въ Ковду.

Это сосѣдство оказалось для насъ очень безпокойнымъ, а намъ надо было хорошенько выспаться, поэтому рѣшили перекочевать на частную квартиру, которая къ счастью нашлась по сосѣдству. Въ одной комнатѣ улеглись наши барышни, а въ другой мы. Пришлось спать просто на полу, подостлавъ пальто.

Утромъ, напившись чаю, тронулись цѣлымъ караваномъ въ путь. До Ковдозера приходилось пройти тайбалой верстъ пять. Тайбала — это характерное мѣстное слово, соотвѣтствующее болѣе всего слову — волокъ, т. е. сухопутный переходъ между водными путями. Караванъ нашъ представлялъ очень интересное зрѣлище: у каждаго за спиной былъ мѣшокъ или рукзакъ; у Доди и Алексѣича они достигали колоссальныхъ размѣровъ, а Александръ, нашъ служитель, тащилъ на себѣ кромѣ мѣшка увѣсистый чемоданъ; по очереди всѣ несли связку чайниковъ, гремѣвшихъ при каждомъ движеніи. Почтовыя женки несли наши тяжелыя корзины съ провіантомъ и громадный мѣшокъ съ сахаромъ чуть не въ полтора пуда вѣсомъ. И этотъ несчастный сахаръ у насъ служилъ постояннымъ объектомъ для споровъ: одни убѣждали оставить его, другіе же, ссылаясь на свой опытъ, доказывали, что онъ будетъ служить лучшимъ питательнымъ средствомъ въ дорогѣ. Его дальнѣйшая участь рѣшилась сама собой и весьма печальнымъ образомъ: его положили какъ то на дно лодки, которая сильно протекала, и онъ настолько промокъ, что об-

ратился наполовину въ сиропъ, и поневолѣ его пришлось гдѣ то оставить.

Вообще провіантъ составлялъ для насъ порядочную обузу, но ничего нельзя было сдѣлать: по дорогѣ иногда и хлѣба трудно достать, а для 11 человѣкъ пропитанія надо порядочно. У насъ кромѣ чая и сахара былъ взятъ запасъ макаронъ, рису, масла, три колбасы, напоминающія по формѣ и по твердости бревна, рыбныя консервы и еще кое что. Всего этого мы запасли въ лавкѣ шведскаго завода, гдѣ мы вообще брали провизію. Кромѣ того пришлось взять котелки, кружки и ложки; ѣли ужъ всѣ изъ общаго котла.

Дорожка отъ деревни до Ковдозера довольно удобная, немного только каменистая. Справа отъ нея лежитъ низкое мѣсто съ расположенными въ немъ маленькими озерками или, какъ здѣсь называютъ, ламбинами. Они лежатъ цѣлымъ рядомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что губа въ прежнія времена простиралась дальше въ материкъ, но потомъ вслѣдствіе усыханія оставила послѣ себя только эти ламбины и мокрыя мѣста. Что здѣсь было прежде дѣйствительно море, на это съ несомнѣнностью указываетъ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на дорогѣ выступаетъ порода, состоящая изъ песка съ большой примѣсью раковинъ — Astarte, Mya и др., которыхъ мы въ изобиліи находимъ и теперь въ Бѣломъ морѣ и въ частности въ Ковдѣ.

Интересно, что на этихъ переходахъ есть спеціальные камни, на которыхъ носильщики отдыхаютъ. Они идутъ всегда очень быстро версту — двѣ; останавливаются, садятся, какъ есть съ ношей на камень, быстро снимаются и бѣгутъ дальше.

Скоро выходимъ на Ковдозеро въ Подтайбальную губу. Песчаный бережокъ, амбарчики для сѣтей, нѣсколько лодокъ. Озеро большое, похоже на море. Да оно вѣроятно и было когда нибудь моремъ и соединялось съ Княжой; по крайней мѣрѣ на берегу мы находимъ такія же раковины, какъ и по дорогѣ, но здѣсь онѣ лежатъ прямо на пескѣ.

Одна лодка у насъ земская, въ нее садятся 6 человѣкъ; причемъ коршикъ (рулевой), молодая бабенка съ бойкими глазами, начинаетъ скандалить, говоря, что ей приказано везти только пятерыхъ; но мы ее быстро унимаемъ, обѣщавъ не давать на чай. Другая лодка принадлежитъ Стюарту, на ней везутъ бочку масла и забираютъ насъ. Такъ какъ у насъ оказывается въ запасѣ парусокъ, то мы вырубаемъ

мачту и натягиваемъ его, благо вѣтеръ попутный. Но, несмотря на парусъ, мы всетаки сильно отстаемъ отъ нашей первой лодки. Женки гребутъ дѣйствительно артистически и уходятъ чуть не на 3 часа впередъ. У насъ гребутъ трое молодыхъ кореляковъ, но гребутъ съ прохладцей. Я въ первый разъ здѣсь обратилъ вниманіе на интересную ихъ прическу: всю голову они выстригаютъ довольно коротко, а спереди оставляютъ длинный чубъ, который виситъ впереди, какъ челка.

Чтобы не терять даромъ времени, нашъ коршикъ началъ разматывать дорожку, надѣясь поймать что нибудь. Дорожку во время хода лодки постоянно поддергиваютъ и по этимъ характернымъ движеніямъ можно издали даже вечеромъ узнать ловцовъ. Мы привыкли къ этой картинѣ, такъ какъ около Ковды часто ловятъ на дорожку треску; да и сами мы постоянно этимъ занимались. Но въ озерѣ рыбы повидимому немного, о чемъ можно судить и по тому, что рыболовство тамъ развито очень слабо. На дорожку здѣсь ловятъ обыкновенно кумжу, т. е. форель, или щуку. Лучше ловится рыба въ рѣкахъ, особенно въ порогахъ. Тамъ часто вылавливаютъ кумжу и харіуса (тоже изъ лососевыхъ), но семги, этой самой крупной и дорогой рыбы, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали, почти нѣтъ. Вотъ около Ковды она попадается, хотя и тамъ ее меньше изъ за сплава лѣса. Такъ мы ничего дорогой и не выудили.

По характеру своихъ береговъ и острововъ Ковдозеро очень напоминаетъ знакомыя намъ мѣста около Ковды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ спускается къ водѣ высокими обрывами изъ гранитныхъ скалъ; въ другихъ мѣстахъ скалы закруглены и обточены очевидно ледникомъ. Очень много видно ледниковыхъ отложеній ввидѣ грядъ изъ валуновъ. Берега озера сильно изрѣзаны заливами, а средина покрыта цѣлымъ архипелагомъ большихъ и малыхъ островковъ; на картахъ ихъ поставлено очень мало, а мѣстные жители насчитываютъ ихъ болѣе 360. Открытаго большого воднаго пространства совсѣмъ нѣтъ. На горизонтѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступаютъ большія возвышенности, образующія красивый фонъ для перваго плана острововъ. Особенно красивы высокая съ пологими скатами безлѣсная Каликорга, лежащая у впаденія рѣки, и лѣсистый Крестовъ — наволокъ, видный справа въ первой половинѣ пути.

Берега Ковдозера удивительно пустынны: кромѣ какъ въ Подтайбальной по дорогѣ мы не видали даже

сарайчиковъ. На всемъ громадномъ озерѣ есть только два селенія — Ковдозерское, куда мы направлялись, и Ляхкамени, лежащее въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаетъ изъ озера рѣка Ковда; въ этомъ Ляхкамени имѣется всего одинъ постоянный житель, а кромѣ того приказщикъ русановскаго завода, завѣдующій сплавомъ и складомъ продуктовъ для рабочихъ. Объясняется такая пустынность тѣмъ, что кромѣ сплава лѣса здѣсь нѣтъ никакихъ источниковъ существованія для жителей; сѣять по берегамъ нельзя, такъ какъ они почти сплошь состоятъ изъ камня; рыбы тоже не достаточно.

На дальнѣйшемъ пути селеній также очень мало, но относительно всетаки больше; тамъ есть хорошіе луга, и земля годна для посѣва.

Оживлено больше всего само озеро. По нему проходятъ плоты бревенъ или кошели, которые медленно тянутъ пароходики; ихъ два на озерѣ. Проводятъ эти кошели къ Ляхкамени и затѣмъ спускаютъ по рѣкѣ Ковдѣ уже въ море. Обратно изъ деревни въ озеро было бы конечно гораздо скорѣе подняться прямо, но это почти невозможно, такъ какъ рѣчка очень порожиста, и нѣкоторые пороги имѣютъ паденіе около сажени. Только отчаянные мѣстные жители рѣшаются на такой фокусъ. На нашемъ пути насъ обогнали рабочіе Бергрена, которые торопились попасть домой и сократили себѣ путь, поднявшись по Ковдѣ изъ моря.

Отъ этихъ рабочихъ между прочимъ мы узнали нѣкоторыя ковденскія новости, напр. что „Утгарту" удалось всетаки избѣгнуть потопленія; почти въ тотъ моментъ, когда этотъ актъ долженъ былъ совершиться, получена была новая телеграмма, предписывающая остановить потопленіе судна и доставить его въ Архангельскъ, гдѣ предполагалось его вооружить.

Такъ какъ озерные карбаса очень небольшіе, не то, что морскіе, то намъ приходится тѣсниться. Обыкновенно мы дѣлали такъ, что въ среднюю часть лодки складывали наши вещи, сверху ихъ постилали какую нибудь одежду и потомъ садились, умащиваясь тѣсно, кучкой: кто располагался вдоль лодки, кто поперегъ, кто свертывался калачикомъ, кто садился на дно. Дорога длинная, но какъ то не надоѣдаетъ; много интереснаго по сторонамъ, бесѣдуютъ между собой, поютъ. Послушавши наше пѣнье, кореляки также завели какую то безконечную, однообразную и заунывную пѣсню, въ которой повторяются все одни и тѣ же слова. Поютъ они, какъ и наши чухонцы, всегда въ унисонъ.

На срединѣ пути мы сдѣлали остановку, чтобы закусить; но, потерявъ нашихъ изъ виду, рѣшили пристать къ одному острову безъ нихъ, хотя у насъ и не было достаточно провіанта. Надѣясь завтракать вмѣстѣ, мы не позаботились поровну подѣлить провизію. Мы утѣшались только тѣмъ, что всѣ полтора пуда сахара были съ нами, но зато не было ни хлѣба, ни масла Наши гребцы однако снабдили насъ тѣмъ и другимъ. Мы поставили наши чайники, а сами пошли побродить по чудесному острову, который состоитъ изъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, обточенныхъ съ сѣв.-вост. стороны. Кое гдѣ на камняхъ разбросаны болотца съ массой морошки, черники и др. ягодъ.

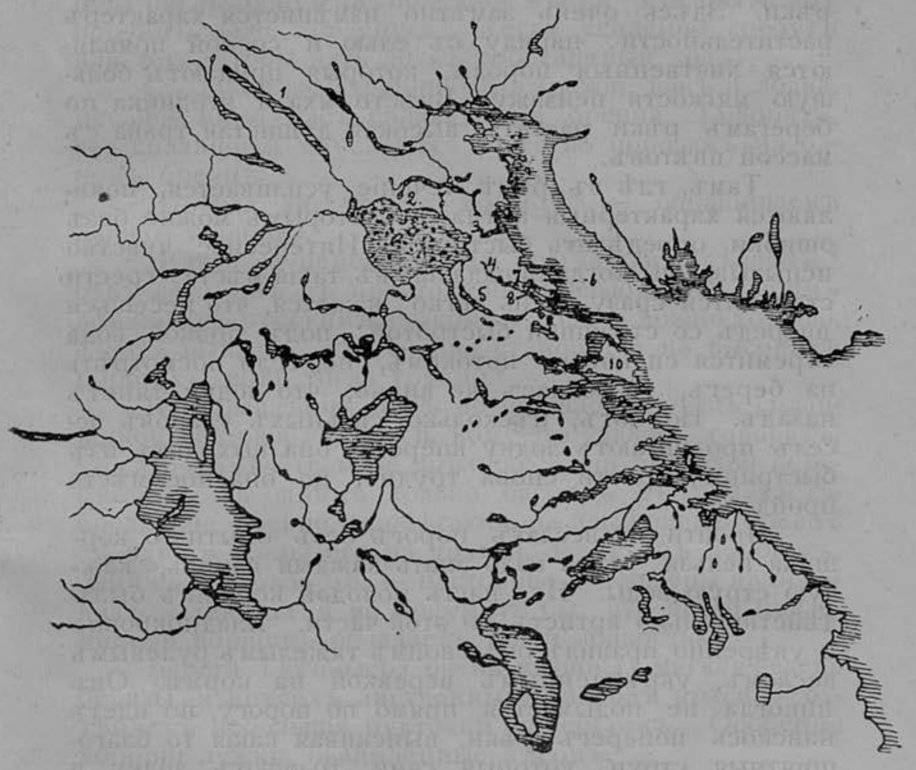
Возвращаясь къ мѣсту нашей стоянки, мы вдругъ замѣтили на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ движеніе чего то бѣлаго. Присмотрѣвшись, мы убѣдились, что это наши даютъ намъ сигналы. Тотчасъ снялись съ мѣста и дѣйствительно нашли нашихъ на сосѣднемъ бережку на еще болѣе красивомъ большомъ Пахтъ-островѣ. Завтракъ тамъ уже былъ готовъ, и мы съ благодарностью имъ воспользовались. Почтовыя женки очень были недовольны задержкой и торопили нашихъ, поэтому они, оставивъ намъ провизію, тронулись дальше.

Вѣтерокъ разыгрался сильнѣй, и парусокъ тащилъ насъ дальше хорошо; но сейчасъ была видна разница между обитателями моря и озера. Приморскіе жители стараются держаться въ открытомъ морѣ, а озерные жмутся къ берегамъ, а это конечно сильно удлинняетъ путь. Правда, карбасъ у насъ былъ неважный, и даже небольшая волна захлестывала его.

Сдѣлавъ за день верстъ 35 по озеру, мы благополучно добрались до деревни Конецковдозерской, состоящей изъ немногихъ дворовъ. Она всетаки имѣетъ видъ уже настоящей деревни: есть небольшія поля, посажена картошка. Здѣсь можно было достать и молока. Ночевать пришлось всѣмъ вмѣстѣ и на полу.

Утромъ 24-го Іюля въ четвергъ тронулись дальше. Довольно долго возились, добывая второй карбасъ; поэтому наши корелы съ земской станціи сердились и призывали не разъ своего „Перкеле" (чертъ). Добыли карбасъ опять при содѣйствіи прикащика Стюарта. Грести намъ пришлось уже самимъ, такъ какъ намъ дали только коршика — одного изъ тѣхъ рабочихъ, которые ѣхали съ нами по Ковдозеру. Грести мы взялись даже съ удовольствіемъ, такъ какъ это дѣло намъ привычное, да и скучно сидѣть цѣлый

день, сложа руки. Мы скоро обогнали почтовую лодку, тѣмъ болѣе, что ей пришлось пристать къ берегу, чтобы высадить одну женку, у которой разболѣлись зубы.

Карта, на которой представлена Кандалакшская губа (сѣверо-западная часть).

На картѣ особенное значенiе для насъ имѣютъ слѣд. мѣста: 2. Оз. Ковдо. 3. Соединенiе его черезъ тайболу съ Княжой губой. 6. Мысъ Толстикъ. 9. Село Ковда. На востокъ отъ Ковдозера — впадающая въ него р. Ковда, а дальше на востокъ и потомъ на юго-вост. рядъ озеръ, по которымъ шелъ нашъ путь.

Около Конецковдозерской впадаетъ въ озеро рѣка Ковда, по которой идетъ сплавъ лѣса изъ Финляндiи. Рѣка очень быстрая и порожистая. Намъ приходилось подыматься вверхъ по порогамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теченiе настолько сильное, что надо было всѣмъ выходить изъ лодки и тащить ее на бичевѣ. Рѣка течетъ въ каменномъ ложѣ и въ крутыхъ берегахъ, а самый берегъ состоитъ изъ валуновъ, причемъ хорошо видно, что во время половодья вода подымается значительно выше, чѣмъ теперь.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка имѣетъ небольшую ширину и идетъ прямо; она здѣсь очень напо-

минаетъ Сайманскій каналъ. Нѣтъ только по берегамъ дачъ и дорожки; здѣсь все дико и пустынно.

Въ самой рѣкѣ на порогахъ лежатъ большіе камни, о которые съ шумомъ разбивается струя рѣки. Здѣсь очень замѣтно измѣняется характеръ растительности: наряду съ елью и сосной появляются лиственныя породы, которыя придаютъ большую мягкость пейзажу. Вмѣсто мха и ягодника по берегамъ рѣки растетъ высокая душистая трава съ массой цвѣтовъ.

Тамъ, гдѣ въ рѣкѣ теченіе усиливается, появляются характерныя пятна, по которымъ можно безъ ошибки опредѣлить быстрины. Интересное чувство испытываешь, когда попадаешь въ такія мѣста: грести становится сразу очень легко; кажется, что несешься впередъ со страшной быстротой; подъ лодкой вода стремится сильнымъ потокомъ, но, если посмотрѣть на берегъ, то сейчасъ же видно, что лодку тянетъ назадъ. Но вотъ, нѣсколько сильныхъ ударовъ веселъ продвигаютъ лодку впередъ, она выходитъ изъ быстрины; грести снова трудно, но опасное мѣсто пройдено.

Пройти на веслахъ порогъ безъ опытнаго коршика нельзя; здѣсь надо знать каждый камень, каждую струю воды. Ну, нашъ молодой коршикъ былъ дѣйствительно артистъ по этой части. Хладнокровно и увѣренно правилъ онъ своимъ тяжелымъ рулевымъ весломъ, укрѣпленнымъ веревкой на кормѣ. Онъ никогда не подымается прямо по порогу, но идетъ наискось поперегъ рѣки, выискивая какія то благопріятныя струи, которыя сами толкаютъ лодку и выносятъ ее изъ порога на противуположный берегъ. Тутъ есть какая то теорія, какая то наука, которую надо воспринять съ молодыхъ лѣтъ. Никогда у насъ не изгладится впечатлѣніе объ этомъ подъемѣ на пороги, никогда мы не забудемъ маленькаго коренастаго кореляка, который такъ смѣло проводилъ насъ по опаснымъ мѣстамъ.

Мы прошли такимъ образомъ нѣсколько пороговъ, нѣсколько разъ тащили карбасъ на веревкѣ и подошли къ небольшому озерку Тутъ-озеру, которое представляетъ собой собственно расширеніе рѣки Ковды. Въ мѣстѣ выхода рѣки она сильно сжата гранитными обточенными берегами, и здѣсь лежитъ высокій порогъ съ крупными камнями. Мы втянули здѣсь карбасъ на бичевѣ и наблюдали красивое зрѣлище, какъ партія рабочихъ по нему спустилась внизъ, ловко лавируя между камней.

Ихъ лодка попала въ струю воды и ее со страшной быстротой потянуло впередъ; казалось вотъ, вотъ ее нанесетъ на камни и разобьетъ въ щепы; но коршикъ дѣлаетъ быстрый поворотъ весломъ, и ее благополучно выноситъ на спокойное мѣсто. Гребцы между прочимъ даже при спускѣ всегда усиленно гребутъ для того, чтобы дать лодкѣ собственный ходъ.

Съ такой же страшной быстротой, какъ и лодка, неслись мимо насъ сплавляемыя бревна. Говорятъ, что сплавщики спускаются часто по порогамъ на одномъ бревнѣ.

„Правда ли, что это можно?“ — спрашиваемъ нашего коршика.

„Какъ же неможно? мы всегда такъ дѣлаемъ,“ отвѣчаетъ онъ съ простодушной физіономіей своимъ ломаннымъ русскимъ языкомъ. „Здѣсь можно хорошо, а вотъ бываетъ, что бревна становятся на высокихъ порогахъ, вотъ тогда трудно.“

Къ сожалѣнію намъ не пришлось видѣть сплавщиковъ на работѣ, но тѣ, кому это удалось, говорятъ, что это замѣчательное зрѣлище: они свободно перебѣгаютъ съ однимъ только багромъ въ рукахъ съ бревна на бревно, пробѣгаютъ на плывущемъ бревнѣ съ одного конца его на другой, летятъ въ порогахъ, однимъ словомъ, это — настоящіе волтижеры на бревнахъ. Никогда я не подумалъ бы, что нашъ приземистый коршикъ обладаетъ такой ловкостью.

Берега Тутъ-озера очень изящны: мягкая зелень березы и другихъ лиственныхъ породъ красиво оттѣняетъ небольшія бухточки по берегамъ. Особенно хороши лужки, окаймленные лѣсомъ.

Наконецъ около 12 ч. дня подходимъ къ порогамъ, которые нельзя уже пройти и на бичевѣ; ихъ шумъ слышенъ издалка, но самихъ ихъ не видно. Мы пристаемъ къ маленькой бухточкѣ около лужка съ высокой сочной травой; ее очевидно скашиваютъ, такъ какъ есть маленькій сарайчикъ. Пріятно отдохнуть на душистой травѣ. Намъ приходится ждать довольно долго нашей второй лодки, поэтому наша публика разбредается кто куда. Сколько здѣсь ягодъ; и какихъ только нѣтъ: черника, костеника, душистая поленика, морошка; однимъ словомъ, чего только угодно.

Отсюда начинается пятиверстная тайбола. Подходитъ вторая лодка, разбираемъ вещи и трогаемся въ путь. Но вдругъ оказывается, что двое нашихъ пропали; они пошли смотрѣть пороги, переѣхавъ на сосѣдній островъ, и увлеклись. Пороги дѣйстви-

тельно заслуживали того, чтобы ихъ посмотрѣть: они напоминаютъ собой Иматру, но въ маломъ видѣ: такой же шумный и бурлящій каскадъ, прегражденный громадными камнями. Хотя это и очень красиво, но мы высказываемъ неудовольствіе нашимъ сепаратистамъ, т. к. ихъ приходится ждать.

Тайболой итти довольно хорошо; дорога идетъ по лѣсу или по болоту, но на мокрыхъ мѣстахъ положены кладки, и поэтому эти пять верстъ проходимъ довольно легко. На славномъ крутомъ бережкѣ устраиваемъ привалъ. Здѣсь опять насъ обгоняетъ партія Бергреновскихъ рабочихъ, которая подымалась прямо по порогамъ.

Проходимъ небольшое верстъ въ 15, похожее на рѣку, Пуласъ-озеро.

Въ началѣ его намъ съ трудомъ пришлось перебираться черезъ такъ наз. оплотокъ, т. е. рядъ бревенъ, связанный цѣпями, которымъ окружаютъ отдѣльные бревна для того, чтобы тащить ихъ вмѣстѣ; это собственно и называется кошелемъ. Этимъ оплоткомъ перегораживаютъ рѣку или озеро для того, чтобы поймать плывущія свободно бревна. Перебираться черезъ него надо съ осторожностью, особенно, если лодка нагружена. Обыкновенно кто нибудь выходитъ изъ лодки на бревна и своей тяжестью ихъ опускаетъ; тогда лодку ужъ можно перетянуть. Это препятствіе встрѣчается довольно часто на пути.

Снова высаживаемся на берегъ, откуда начинается новая тайбола — въ полторы версты. Тутъ намъ приходится переваливать черезъ скалистую горку. На самомъ почти перевалѣ встрѣчаемъ опять тѣхъ же рабочихъ, которые на себѣ тянутъ лодку. Невольно какъ то вспоминаются волоки на древней Руси.

Подходимъ теперь къ Ругъ-озеру. Вторую лодку здѣсь достать не удается и мы устраиваемся такимъ образомъ, что земскихъ гребцовъ отправляемъ домой, а земскій карбасъ обѣщаемъ прислать со слѣд. станціи. Троихъ же изъ нашихъ берутъ съ собой рабочіе. Солнце зашло уже, когда мы тронулись въ путь; темнѣетъ, первый разъ нынче лѣтомъ видимъ мы звѣздочку; встаетъ громадная красная луна и освѣщаетъ страннымъ свѣтомъ воду; на озерѣ тихо, тихо, только рѣзко вырисовываются двѣ лодки. Лѣвый берегъ Ругозера плоскій, неинтересный; справа видны горы, изрѣдка попадаются плоскіе островки. На сложенныхъ въ серединѣ карбаса вещахъ тѣ, кто не гребетъ, устраиваются поудобнѣе и собираются дремать. Но какъ то и не спится; такъ славно и уютно въ этомъ ма-

ленькомъ карбасѣ; всѣ притихли, нѣтъ обычныхъ шутокъ и смѣха; кое кто мурлыкаетъ себѣ подъ носъ. Такая тишина располагаетъ къ откровенности и задушевнымъ разговорамъ . . . Наконецъ все стихаетъ; монотонные, ритмическіе всплески веселъ понемногу убаюкиваютъ публику.

Но вотъ часа въ 2 при свѣтѣ утренней зари начинаетъ вырисовываться церковь деревни Ругозерки, а вотъ видна и сама деревня . . . Опять короткая ночевка на голомъ полу на земской станціи. Хозяинъ у насъ жуликоватый корелякъ со скуластымъ широкимъ лицомъ и копной спутанныхъ волосъ на головѣ; онъ чѣмъ то мнѣ напоминаетъ нашихъ предковъ, жителей свайныхъ построекъ. Ему пришлось пригрозить, а то онъ никакъ не хотѣлъ взяться отвести нашу лодку обратно, и ему очень хотѣлось снабдить насъ по хорошей цѣнѣ финскими деньгами. Интересно между прочимъ, что здѣсь всюду Финляндію зовутъ Вихляндіей; говорятъ вихлянскія деньги и т. д. Здѣсь мы впервые запаслись мѣстнымъ хлѣбомъ ввидѣ лепешекъ съ большой дырой посрединѣ. Онъ намъ очень понравился, особенно, когда онъ совсѣмъ свѣжій.

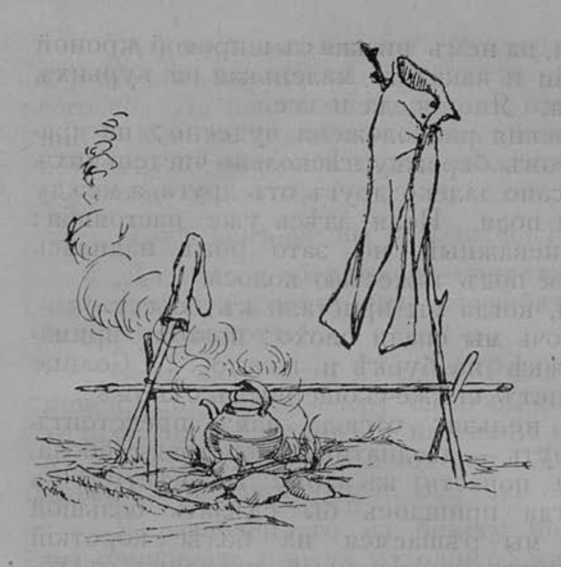
На этотъ разъ намъ было очень пріятно, что земскій карбасъ оказался настолько большимъ, что мы всѣ въ него помѣстились, взявъ только коршика и двухъ гребцовъ. Все это были женки и притомъ повидимому не очень опытныя. По русски притомъ онѣ едва понимали. Къ несчастію намъ пришлось скоро убѣдиться въ ихъ неопытности. Въ Ругозеро впадаетъ широкая быстрая и порожистая рѣчка Соколъ, соединяющая Ругъ-озеро съ Соколъ-озеромъ.

Только что мы вошли въ рѣчку, какъ увидѣли на берегу кучку людей, которая намъ начала отчаянно махать, приглашая пристать къ берегу. Спрашиваемъ у нашихъ женокъ: что такое? онѣ говорятъ: надо туда ѣхать. Подъѣзжаемъ; въ чемъ дѣло? Спрашиваютъ, нѣтъ ли у насъ запасныхъ или ратниковъ; приказано всѣхъ по пути задерживать и провѣрять документы. У насъ волненіе, такъ какъ есть и запасные, и ратники. Тащимъ всѣ документы. Волостной старшина съ бляхой и писарь при исполненіи своихъ священныхъ обязанностей; оба очень торжественны и сами очень повидимому боятся, какъ бы чего не вышло.

„Анна Николаевна Ивашкевичъ", читаетъ важно писарь, „слушательница Высшихъ женскихъ курсовъ; книжка безсрочная. Значитъ можетъ ѣхать дальше. Запасной — преподаватель В. Н. А.; у этого двухмѣ-

сячный отпускъ, правильно". И такъ всѣхъ; наши ратники ополченія также не задерживаются. А мы очень опасались, какъ бы не задержали нашего Альберта; добираться изъ этой глуши до пункта было бы не такъ пріятно, а мы бы лишились добраго товарища, да еще и нашего казначея и эконома, который велъ всѣ наши дѣла. Съ облегченнымъ сердцемъ поплыли мы дальше и на радостяхъ дружно затянули нашего любимаго „комарика".

Торжествовать намъ однако пришлось не долго, ибо намъ готовилась еще одна непріятность, правда и не такая серьезная, какъ первая. Вся рѣка была полна бревенъ; говорятъ пустили два кошеля, т. е. нѣсколько тысячъ бревенъ. Они стремительно неслись по рѣкѣ, особенно въ ея быстринахъ. Намъ слѣд. приходилось не только подыматься противъ быстраго теченія и преодолѣвать пороги, но и лавировать между плывущими бревнами, которыя то и дѣло гулко ударяли въ борта нашей лодки, такъ что становилось немного жутко. Но борта карбаса были очевидно испытанные и удары не производили на нихъ эффекта. Наконецъ наши женки выбились изъ силъ и рѣшили пристать къ берегу. Въ этомъ мѣстѣ образовались большіе заторы изъ бревенъ, которые заходили далеко вглубь рѣки. Что же теперь дѣлать? Остается одно — тянуть карбасъ на бичевѣ. Наши почтовыя женки махнули повидимому на насъ рукой и пошли по берегу, а наша молодежь рѣшила дѣйствовать самостоятельно. Додя съ рѣшительнымъ лицомъ ухватилъ за веревку и по колѣни въ водѣ поперъ лодку по водѣ. Алексѣичъ босикомъ, засучивъ брюки, скользя по мокрымъ камнямъ и балансируя руками, помогалъ отталкивать лодку. Остальные съ берега тянули веревку. Случалось на особенно быстромъ теченіи, что лодка вырывалась и увлекала держащихъ веревку за собой; хорошо, если удавалось плотно усѣсться на бревно и удержать лодку; а иногда сыпались и въ воду. Наконецъ путь преградилъ большой заторъ изъ бревенъ: начали разбирать его, но это заняло бы цѣлый день. Позвали почтовыхъ женокъ, которыя до того времени относились пассивно къ нашимъ трудамъ. Ловко бѣгая по бревнамъ въ своихъ упакахъ, онѣ съ помощью нашихъ вывели наконецъ карбасъ. Но вся эта процедура оказалась очень утомительной, а главное участники этой борьбы съ рѣкой вымокли по поясъ; необходимо было посушиться и согрѣться чаемъ. Развели костеръ, услали женокъ въ лѣсъ за ягодами, а сами раздѣлись и

начали сушить свои вантропки на кострѣ. У Доди и Александра вода шла изъ сапогъ фонтанами. По случаю промокновенія рѣшено было раскупорить бутылку бенедиктина, который случайно былъ захваченъ съ собой, и выдать по чаркѣ не только мокшимъ, но и сухимъ.

Отдыхъ продолжался довольно долго. Это былъ перерывъ нашего путешествія совершенно нами не разсчитанный. Передъ нами въ это время происходила весьма интересная процедура. Именно, мы могли наблюдать, какъ изъ кошеля постепенно выжимали бревна въ рѣку. Для этого устраивается плотъ съ воротомъ, который приводится въ дѣйствіе лошадьми. Когда смотришь издали, то получается странная картина; точно лошади ходятъ по водѣ. Плотъ, передвигаясь, стягиваетъ кошель, и выжимаетъ изъ него бревна.

Наконецъ мы тронулись въ путь и скоро вошли въ Соколъ-озеро. Это небольшое озеро, но по красотѣ оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди видѣнныхъ нами озеръ. Берега его довольно высоки, но спускаются къ водѣ покатымъ склономъ; они покрыты красивымъ ровнымъ лѣсомъ. За ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымаются далекія вершины возвышенностей часто причудливой формы. Но особенную прелесть озера представляютъ маленькіе узкіе островки съ рѣдкой растительностью. Эти островки очень похожи на японскія картинки. Вотъ напримѣръ, у самой деревни крошечный островокъ, по-

крытый валунами, на немъ низкая съ широкой кроной сосна вродѣ пиніи и какая то маленькая на курьихъ ножкахъ избушка. Японія, да и все.

И самая деревня расположена чудесно; на красивомъ каменистомъ бережку нѣсколько чистенькихъ домиковъ разбросано далеко другъ отъ друга, а между ними сѣнокосы и поля. Поля здѣсь уже настоящія: ячмень нынче неважный, но зато рожь налилась хорошо и ложится подъ тяжестью колоса.

Было часа 4, когда мы пристали къ берегу.

Прошлую ночь мы спали плохо; поэтому примащиваемся на лужкѣ на буркѣ и пальто . . . Солнце припекаетъ, пахнетъ свѣже-скошеннымъ сѣномъ . . . Но спать долго нельзя; отсюда намъ предстоитъ самый трудный путь — двадцатипятиверстная тайбола. Можно было бы попасть къ тому же мѣсту и на лодкахъ, но тогда пришлось бы сдѣлать большой крюкъ; поэтому мы рѣшаемся на болѣе короткій путь. Нашъ хозяинъ, привѣтливый корелякъ съ какими то необыкновенно ясными глазами, хорошо говоритъ по русски и съ нимъ мы сговариваемся насчетъ проводниковъ. Для нашего багажа приходится взять 5 человѣкъ, по 3 р. 50 к. за каждаго.

Это былъ первый нашъ большой расходъ въ пути. До сихъ поръ дорога обходилась намъ, благодаря открытымъ листамъ и содѣйствію заводовъ, буквально копейки. Такъ напр. за переѣздъ на карбасахъ по Ковдозеру мы заплатили за земскую лодку 1 р. 20 к., считая по 3 к. за версту (40 в.); слѣдующій переѣздъ отъ Конецковдозерской до Ругозера въ 50 в. стоилъ намъ 1 р. 50 коп., а послѣдній (30 в.) до Соколъ-озера — 90 коп.

Народъ вообще здѣсь очень привѣтливый и радушный. Очень интересуются войной и со страхомъ разспрашиваютъ, будутъ ли ходить пароходы. Съ пароходами связано ихъ существованіе; не будетъ пароходовъ — имъ не достать хлѣба: оказывается, что вся провизія идетъ сюда, какъ это ни странно, изъ Княжой, т. е. по тому же пути, какъ ѣхали и мы.

„Нѣтъ ли у васъ какого нибудь доктора? Тутъ у насъ баба мучается; распухла вся.“

Нашъ „докторъ“ пошелъ посмотрѣть бабу и, не будучи даже особенно твердъ въ діагностикѣ, рѣшилъ, что ей жить не долго: сердце отказывается работать, отеки по всему тѣлу. А баба еще молодая, жена нашего хозяина.

„Что же вы раньше то ее никому не показали? теперь лечить ужъ поздно.“

„А кому показать то? Докторъ есть въ Керети или Кузамъ-киркѣ. До одного 70 верстъ, а до другого 80. Да нешто онъ поѣдетъ изъ за одной больной? Мы не помнимъ, когда докторъ къ намъ и пріѣзжалъ; фершалъ былъ послѣдній разъ года полтора тому назадъ".

„Такъ какъ-же вы обходитесь?"

„Да такъ и обходимся; придетъ время помирать человѣку, онъ и помираетъ. На ребятишекъ вотъ часто болѣзни бываютъ."

Вотъ какія есть мѣста на Руси. Будь это заграницей, по Соколъ-озеру были бы настроены виллы; ходилъ бы пароходикъ и населеніе не умирало бы навѣрно безъ медицинской помощи. Ладно, что климатъ здѣсь такой благодатный. Все таки населеніе крѣпкое.

У разведеннаго на берегу костерка собрались мы поужинать передъ отходомъ; жалко было какъ то уходить изъ этого славнаго мѣстечка. Изъ деревни пришли къ нашему костерку корелы и разспрашивали насъ о нашемъ пути, о войнѣ и пр.

Нашъ хозяинъ принесъ намъ большую чашку молока, но почему то намъ ее не давалъ. Спрашиваемъ „почему"? „А наши старухи", говоритъ, „придерживаются старины, изъ своей посуды никому ѣсть не даютъ." Дѣйствительно здѣшнее населеніе, хотя и корельское, по большей части старовѣры, которые держатся своихъ обычаевъ. Странно какъ то видѣть финновъ-старовѣровъ.

Мы ликвидировали многіе наши пакеты, особенно старались освободиться отъ провизіи; мѣстные жители охотно взяли у насъ вмѣсто платы лишній провіантъ.

А Додя въ это время сторговалъ себѣ громадный берестяной кошель; здѣсь всѣ носятъ поклажу въ такихъ кошеляхъ. Они легки, удобно сидятъ на спинѣ, такъ какъ имѣютъ форму ранца, и тяжесть поэтому равномѣрно распредѣляется на спинѣ.

Сократили нашъ багажъ до возможной степени, распредѣлили его между собой и проводниками и подъ вечеръ тронулись въ путь. Насъ между прочимъ пугали, что придется въ лѣсу остановиться на ночевку, такъ какъ дороги не будетъ видно. Прежде всего пришлось версты двѣ сдѣлать на лодкахъ, чтобы подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ начинается тропа.

Тутъ какъ разъ впадаетъ небольшая рѣчка, на которой поставлена мельница. Говорятъ, что это единственная мельница въ этихъ краяхъ.

Теперь пріятно вспомнить пройденный уже путь, но надо сознаться, что онъ былъ не изъ легкихъ. Наши проводники дули впередъ на рысяхъ, такъ что угнаться за ними было совершенно невозможно. Хорошо, что дорога одна; въ одномъ мѣстѣ только мы взяли влѣво вмѣсто того, чтобы взять направо; но насъ сейчасъ же вернули на настоящій путь. Мы часто выходили на зимникъ, который ясно замѣтенъ благодаря своей ширинѣ; зимой этотъ путь гораздо удобнѣе, такъ какъ идетъ прямо по озерамъ и лѣсамъ, и потому имъ часто пользуются. Уже съ давнихъ временъ существуютъ постоянныя торговыя сношенія между Княжой и Улеаборгомъ; такъ везутъ съ Бѣлаго моря рыбу, а изъ Финляндіи получаютъ товары.

Вначалѣ дорожка довольно приличная, но скоро начались болота, перебираться черезъ которыя было часто довольно затруднительно. Надо было или осторожно перескакивать съ кочки на кочку, или пробираться по скользкимъ сучковатымъ бревнамъ, или наконецъ пускаться смѣло и безсознательно впередъ, рискуя провалиться по колѣни въ воду. Кто былъ въ высокихъ сапогахъ, тѣ избирали обыкновенно этотъ прямой, но рискованный путь; у кого же были низкіе башмаки, какъ у нашихъ барышень, тѣмъ приходилось конечно быть осторожнѣе. Но и тутъ дѣло не об-

ходилось безъ проваловъ и основательныхъ промокновеній. Онѣ держались молодцами, несмотря на то, что промокли до колѣнъ, шли бодро и весело. Лучше всѣхъ конечно было Алексѣичу, который шелъ босикомъ, подвѣсивъ на шею свои охотничьи сапоги. Надо было имѣть конечно большую долю смѣлости и привычку къ такому способу передвиженія, такъ какъ легко можно было наскочить въ темнотѣ на какой нибудь сукъ и разодрать себѣ ногу. Человѣкъ привычный къ сибирской тайгѣ, опытный охотникъ, онъ смѣло шелъ впередъ и служилъ намъ надежнымъ проводникомъ, когда наши офиціальные проводники удирали впередъ. По временамъ приходилось дѣлать остановки на сухихъ мѣстахъ минутъ на 15—20. Первыя версты тянулись какъ то очень долго. Правда версты здѣсь довольно фантастическія; ихъ отсчитывали наши проводники, но мы относились къ ихъ счету довольно скептически. Ночь оказывается намъ не помѣшала итти, т. к. тропинка была видна, или вѣрнѣе постоянно чувствовалась подъ ногами, а по болоту приходилось все равно итти безъ дороги.

Счастье наше, что мы мокли только снизу; если бы къ этому присоединился еще дождь, то я не знаю, что бы мы стали дѣлать. Вообще надо сказать, что погода была къ намъ очень милостива. Только первые два дня небо было довольно хмурое и иногда накрапывалъ дождь, но небольшой, да потомъ на лодкѣ легче и защититься отъ него; были у насъ въ запасѣ плащи и парусъ вмѣсто брезента. Послѣдніе же дни были прямо чудесные.

На серединѣ пути ночью сдѣлали привалъ около небольшой ламбинки. Это очевидно обычное мѣсто для остановокъ, такъ какъ видны слѣды прежнихъ костровъ, да и наши проводники остановились въ этомъ мѣстѣ, какъ въ знакомомъ. Какъ водится, развели костерокъ, поставили грѣться чайники; кто могъ, стащилъ съ себя сапоги и чулки для просушки. Сдѣлать это, оказывается, было необходимо; а тѣ, кто остался въ сапогахъ, поплатились насморкомъ. Пріятно было выпить горячаго чая, особенно съ бенедиктиномъ. Мѣсто это надо сознаться не важное для стоянки, такъ какъ съ болота тянетъ сыростью. Мы хотѣли было двинуться сейчасъ же дальше, чтобы уснуть гдѣ нибудь на сухомъ мѣстѣ, но большинство устроилось уютно и двигаться не хотѣли. Скоро однако сырость дала себя знать и у нѣкоторыхъ зубы стали отщелкивать, какъ въ лихорадкѣ. Какъ ни жаль было будить тѣхъ, кто успѣлъ крѣпко заснуть, но я началъ подымать

народъ, чтобы согрѣться на ходу. Опять взвалили ношу на плечи и тронулись дальше. Насъ обрадовали проводники пріятнымъ извѣстіемъ, что во второй половинѣ пути дорога гораздо хуже. Не знаю, почему, но у меня не осталось отъ нея такого впечатлѣнія; правда, попадались громадныя болота, но, оттого ли, что мы къ нимъ привыкли, или стало свѣтлѣе изъ за восхода солнца, но версты стали какъ то меньше.

Вотъ въ какомъ отношеніи эта вторая часть дороги оказалась гораздо хуже первой: здѣсь на насъ напали мошка и комары, такъ что приходилось надѣть накомарники или отмахиваться непрерывно отъ массы насѣкомыхъ. Кто былъ на сѣверѣ, тотъ хорошо знаетъ этотъ бичъ путешественниковъ. Особенно отвратительна мошка; она лѣзетъ всюду — въ ротъ, въ носъ, въ глаза; кусаетъ совсѣмъ незамѣтно, а послѣ укусовъ образуются на кожѣ волдыри, которые страшно зудятъ и очень долго не проходятъ. Иногда физіономія отъ этихъ укусовъ такъ распухаетъ, что человѣка нельзя узнать. Зная это, мы запаслись сѣтками изъ газа, которыя надѣваются на лицо для защиты (мы называемъ ихъ накомарниками): но итти въ накомарникахъ очень душно и неудобно. Счастье еще, что это нападеніе мошки было на насъ произведено только въ этомъ мѣстѣ; во все время нашего переѣзда по озерамъ мы отъ насѣкомыхъ не страдали. Причиной тому былъ вѣроятно вѣтерокъ, который относилъ ихъ. Часть дороги шла по славному березнячку твердой, тропинкой; здѣсь было итти совсѣмъ легко. Хотя немного трудно было подыматься вверхъ, но мы съ особымъ удовольствіемъ всходили на довольно высокую каменную гряду, которая лежала на нашемъ пути; да и дорога здѣсь красива. Переваливъ черезъ возвышенность и перейдя два большихъ травянистыхъ болота — сѣнокоса, мы вышли наконецъ на сухое мѣсто.

Здѣсь Альберто, который было отъ насъ отсталъ, присоединился къ намъ съ новымъ спутникомъ. Это былъ молодой геологъ изъ Гельсингфорса, г-нъ Бреннеръ, который работалъ около Кандалакши на озерѣ Имандра. Онъ также былъ застигнутъ на Бѣломъ морѣ войной и спѣшилъ вернуться домой черезъ Финляндію. Нѣсколько дней уже онъ догонялъ насъ и наконецъ поймалъ на тайболѣ, которую прошелъ что то съ невѣроятной быстротой. Онъ былъ очень радъ, что къ намъ присоединился, такъ какъ это облегчало ему путь; и мы въ свою очередь также были очень рады ему: какъ финляндецъ онъ могъ намъ посодѣйствовать при нашемъ путешествіи въ Финляндіи. Я когда то

говорилъ немного по фински, но мои познанія въ финскомъ языкѣ сильно повывѣтрились, а безъ языка пройти Финляндію очень трудно, хотя мнѣ думается не невозможно. За хорошее вознагражденіе поймутъ вездѣ. Иногда впрочемъ по дорогѣ мы встрѣчали и говорящихъ по русски или по крайней мѣрѣ понимающихъ.

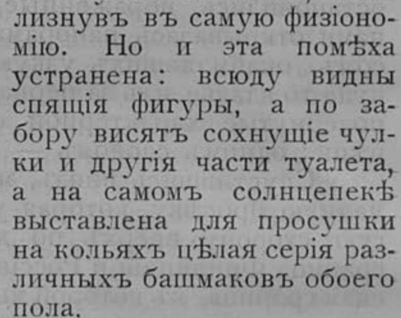
И такъ, послѣ присоединенія къ намъ Бреннера мы покинули послѣднее болото, чему были несказанно рады. Начался опять небольшой подъемъ по славному мелкому лѣсочку, въ которомъ мы собрали порядочно грибовъ. Попадались такіе хорошенькіе подосиновички и березовики, что нельзя было не соблазниться и, хотя всѣ конечно были порядкомъ утомлены, но то и дѣло наклонялись, чтобы взять красивый грибокъ. Это принесло намъ и матеріальную выгоду, такъ какъ на ближайшей стоянкѣ мы имѣли чудесное блюдо жареныхъ грибовъ.

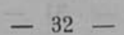
Незамѣтно поднялись мы на холмикъ и . . . сразу остановились, пораженные чуднымъ видомъ: передъ нами открывалась панорама холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, окаймлявшихъ узкую долину, которая уходила куда то вдаль; изъ за перваго ряда холмовъ выступали подернутые характерной синеватой дымкой далекія цѣпи; однимъ словомъ — Швейцарія.

Спустившись внизъ, мы вышли на какую то громадную просѣку, которая уходила и въ ту, и въ другую сторону вверхъ по холмамъ. Говорятъ — это граница Финляндіи и Россіи. Такъ вотъ она финляндская граница, къ которой мы сремились. Очень красива здѣсь эта широкая зеленая просѣка, окаймленная высокимъ лѣсомъ. На ней конечно нѣтъ никакой охраны. Единственной особенностью этого мѣста была масса битаго стекла на дорогѣ. Мы обратили на это вниманіе и спрашиваемъ, почему это. Оказывается, что здѣсь проносятъ въ Финляндію водку изъ Россіи.

Говорятъ, что теперь недалеко уже и до Панъозера, къ которому мы идемъ: верста до рѣчки, и верста послѣ рѣчки. Но что это были за громадныя версты! казалось, что намъ никогда не дойти до мѣста. Итти было хорошо, мѣста красивыя, но какъ это было трудно. Наконецъ — рѣчка и какая интересная; вся она состоитъ изъ потока камней, между которыми, шумя и пѣнясь, пробирается вода. Это — собственно сплошной каскадъ. Переходить ее приходится по камнямъ и не безъ труда. При содѣйствіи Доди и Алексѣича, которые становятся въ воду и поддерживаютъ проходящихъ, мы однако легко переходимъ на другую сторону. На рѣчкѣ стоитъ мельница, а отъ нея идетъ

уже порядочная проѣзжая дорога. Сразу чувствуется культура. И такъ, отсюда еще верста. Несмотря на дорогу мы едва бредемъ. Открывается Панъ-озеро. Опять невольно останавливаемся полюбоваться имъ издали. При солнечномъ освѣщеніи вода въ немъ кажется голубой; бережокъ съ одной стороны песчаный, съ другой высокій, покрытый хорошимъ лѣсомъ. Озеро само узкое, похожее на рѣку. Наконецъ добрели до постоялаго двора. Можно снять пожитки со спины и броситься на душистое свѣжее сѣно. Маленькій отдыхъ быстро возстановляетъ силы и публика, забравъ полотенца и мыло, идетъ омыться въ озсро: вода чистая, прозрачная; посохнуть пріятно на горячемъ прибрежномъ пескѣ. Всѣ довольные возвращаются назадъ и укладываются вздремнуть уже какъ слѣдуетъ: кто на сѣнѣ, кто въ тѣни сарая. Маленькая желтая собачка вродѣ лисы подходитъ познакомиться съ нами, кого кусая за пятки, кого лизнувъ въ самую физіономію. Но и эта помѣха устранена: всюду видны спящія фигуры, а по забору висятъ сохнущіе чулки и другія части туалета, а на самомъ солнцепекѣ выставлена для просушки на кольяхъ цѣлая серія различныхъ башмаковъ обоего пола.

Однако спать долго нельзя, къ вечеру надо попасть къ концу Панозера, а до мѣста верстъ 20. Лодки у насъ уже приговорены по 12 марокъ за лодку, но только съ двумя гребцами каждая. Надо будить народъ; встаютъ сердитые, недовольные, что имъ не дали поспать всласть. Завтракъ проходитъ въ сумрачномъ настореніи, несмотря на великолѣпные грибы и вкусный кофе со сливками. На финскихъ станціяхъ этимъ кофе съ плоскимъ хлѣбомъ или

кислымъ молокомъ и приходится главнымъ образомъ питаться.

Лодочки намъ попались на этотъ разъ хотя и очень легкія, но маленькія и не очень надежныя: онѣ сидѣли такъ глубоко въ водѣ, что отъ борта она была всего вершка на два. На нашей лодкѣ гребцы вздумали устроить парусъ изъ какихъ то старыхъ одѣялъ. Но очевидно здѣсь народъ не морской и никакъ безъ нашей помощи не могли справиться съ постановкой этого примитивнаго паруса. Всетаки онъ намъ немного помогалъ, такъ что мы скоро обогнали вторую лодку. Путешествіе по Панозеру очень пріятное. Все время ѣдешь ввиду обоихъ береговъ. Они отлого спускаются къ водѣ и то тамъ, то здѣсь видишь чистенькія мызы, окруженныя полями.

На второй половинѣ пути мы увидѣли слѣва водопадъ, который привлекъ наше вниманіе своимъ шумомъ. Какъ разъ почти напротивъ его и съ правой стороны мы также увидѣли водопадъ и рѣшили его осмотрѣть. Здѣсь въ озеро впадаетъ маленькая рѣчка, на которой расположенъ не то лѣсопильный заводъ, не то мельница. Надо пройти эти загражденія и тогда вы попадаете къ самому водопаду. Мнѣ приходилось видѣть во время своихъ путешествій довольно много разныхъ водопадовъ, но я не припоминаю ничего болѣе изящнаго, какъ этотъ водопадъ — Менти-іоки: представьте себѣ ущелье, которое замыкается двумя скалами, состоящими изъ грубыхъ пластовъ; скалы эти поросли сверху лѣсомъ. Въ серединѣ ихъ прорывъ, изъ котораго падаетъ большой столбъ воды. Внизу онъ разбивается о скалу и затѣмъ нѣсколькими уступами спадаетъ внизъ, расширяясь въ стороны. Кромѣ главной струи по бокамъ падаютъ нѣсколько маленькихъ очень изящныхъ струекъ. Водопадъ этотъ производитъ впечатлѣніе искусственнаго, настолько онъ правиленъ и гармониченъ.

Мы долго не могли оторваться отъ этой чудной картины; наши лазали наверхъ по тропинкамъ, оживляя пейзажъ.

Отъ водопада до селенія было уже недалеко; пришлось войти въ рѣчку. Здѣсь мы пристали къ берегу и отправились на почтовую станцію. Первое, что мы старались узнать, не слышно ли чего нибудь о войнѣ. Но, хотя ужъ это было 26 Іюля въ субботу, газеты были здѣсь старыя изъ времени предшествовавшаго войнѣ, а мѣстные жители знали также очень мало. Услыхали только новость, которая произвела на насъ

удручающее впечатлѣніе: будто нѣмцы высадили въ Финляндіи десантъ въ 140 тыс. Если это правда, то значитъ черезъ Улеаборгъ намъ ѣхать нельзя, а придется пробираться по восточной части Финляндіи, гдѣ нѣтъ хорошихъ дорогъ. Къ этимъ слухамъ мы конечно относились скептически.

На почтовой станціи здѣсь оказывается всего одна лошадь, слѣд. могли ѣхать только трое. Приходилось нанимать частныхъ лошадей и прямо уже до Кузамъ-кирки. А это здѣсь не такъ легко. Двѣ такихъ лошади найти удалось, относительно третьей выходило сомнѣніе.

Собственно на каждую лошадь полагается по 2 человѣка, а за третьяго приходится приплачивать. Стоилъ намъ этотъ переѣздъ до Кузамо въ 58 километровъ 15 марокъ на почтовыхъ; вольнонаемные берутъ различно: за одну лошадь мы заплатили тоже 15 марокъ, за другую же 25 м. И такъ, подъ вечеръ, переѣхавъ на лодкѣ черезъ небольшую рѣчку, тронулись мы на трехъ лошадяхъ, оставивъ Бреннера съ двумя нашими на четвертую. Дорога сразу же начала подыматься въ гору и возница попросилъ насъ сойти и подняться пѣшкомъ. На видъ подъемъ былъ совсѣмъ маленькій, а на самомъ дѣлѣ пришлось переть километра два въ гору по каменистой тропинкѣ. Кругомъ печальный вырубленный лѣсъ съ унылыми высохшими вершинами крупныхъ сосенъ. Вообще по такому унылому лѣсу приходится ѣхать всю первую станцію съ маленькими варіаціями.

Ночью пріѣхали на станцію. Чистыя комнаты были заняты какими то проѣзжающими, а мы помѣстились въ громадной проѣзжей избѣ, съ большой печью, тепло натопленной. Отдохнули часа три и, не дождавшись нашихъ, тронулись дальше.

Всегда говорятъ о томъ, что въ Финляндіи почтовыя дороги великолѣпны. Дѣйствительно, даже въ этой отдаленной окраинѣ онѣ поддерживаются въ порядкѣ, но зато ѣдутъ здѣсь возмутительно. Правда съ кучеромъ мы сидѣли по 4 человѣка на лошади, но рысью ѣхали только подъ гору, все же остальное время шагомъ. Телѣжки здѣсь всѣ одинаковыя и очень страннаго устройства: онѣ двуколесныя съ двумя сидѣніями; причемъ на заднее сидѣніе надо влѣзать съ колеса. Не скажу, чтобы этотъ инструментъ былъ удобенъ: во первыхъ, если лошадь бѣжитъ крупной рысью, то при всякомъ ея шагѣ васъ подбрасываетъ и при долгомъ пути сколачиваетъ въ

смятку; во вторыхъ, на заднемъ сидѣнiи ногъ некуда дѣвать и облокотиться не на что.

Особенно мучителенъ былъ нашъ переѣздъ до слѣд. станцiи. Публика только что разоспалась, а надо было ѣхать. Поэтому никто не могъ справиться со сномъ и всѣ дремали сидя. Странную картину представлялъ нашъ поѣздъ. Видишь, какъ тотъ или другой начинаетъ понемногу склоняться всторону или впередъ; вотъ человѣкъ перегибается черезъ перильца экипажа; еще моментъ — и онъ полетитъ черезъ бортъ; но вотъ, характерное быстрое движенiе просыпающагося и онъ садится прямо, чтобы черезъ минуту начать опять паденiе. Такъ безпомощно болтаемся мы всѣ втеченiе нѣсколькихъ часовъ; исключенiе составляютъ только тѣ, кому удается найти себѣ твердую опору въ сосѣдѣ. Наконецъ солнышко начало пригрѣвать, мы начинаемъ немного оживать и станцiю встрѣчаемъ уже весело. А жаль, что мы ѣхали такiе сонные: дорога здѣсь становится очень красивой; мѣстность болѣе населенная и оживленная. Дорога часто подымается и опускается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ на 2—3 километра прямо, какъ стрѣла; такъ что видишь сразу и спускъ, и подъемъ, что очень красиво; особенно хорошъ спускъ на половинѣ пути по склону лѣсистаго холма въ населенную долину. Большое озеро Тава-ярви лежитъ въ сторонѣ отъ дороги; оно окружено высокими берегами, на которыхъ раскинулись живописныя поселенiя.

Послѣдняя почтовая станцiя лежитъ какъ то странно: далеко отъ почтовой дороги и попадать на нее приходится по отвратительному каменистому проселку, такъ что мы предпочли даже вылѣзти изъ экипажей, чтобы не вывернуться. Сама по себѣ станцiя очень симпатична — окружена сѣнокосомъ и полями, но зато объ обитателяхъ ея у меня остались самыя непрiятныя воспоминанiя: самъ хозяинъ производитъ впечатлѣнiе идiота. Онъ никакъ не могъ понять самыхъ простыхъ вещей, которыя я старался ему внушить. Впрочемъ . . . можетъ быть тутъ отчасти и моя вина: мой финскiй языкъ, какъ я говорилъ, не былъ вѣроятно достаточно вразумителенъ; но, съ другой стороны, работница всетаки меня понимала и переводила хозяину. Хозяйка же, которой вѣроятно было тяжело совмѣстное существованiе съ такимъ супругомъ — идiотомъ, имѣла страшно суровый и фатальный видъ. Вы поймете поэтому наше веселое состоянiе, когда эта фатальная дама, подавъ намъ

кислое молоко, осмотрѣла насъ всѣхъ проницательнымъ взоромъ и убѣжденно указала между нами двѣ супружескія пары, каковыхъ конечно не было и въ предметѣ.

Да, эта станція запомнилась мнѣ хорошо; здѣсь я провелъ цѣлый томительный день ожиданія. Я рѣшилъ здѣсь дождаться нашихъ отставшихъ. Хотя они и были съ Бреннеромъ, значить я могъ быть спокоенъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное; но именно потому то мнѣ и непонятна была ихъ задержка.

Случись съ ними что нибудь, они не могли никакъ дать мнѣ объ этотъ извѣстіе. Я отпустилъ сначала первую порцію нашихъ и остался съ двумя барышнями; затѣмъ отпустилъ съ обратными лошадьми и ихъ, и ждалъ, и ждалъ.

Всетаки удивительно пустынное и мертвое мѣсто этотъ трактъ. За цѣлый день я видѣлъ только 4—5 проѣзжающихъ, да и то они стали попадаться только подъ вечеръ. Наконецъ мнѣ надоѣло сидѣть на мѣстѣ и я отправился навстрѣчу нашимъ пѣшкомъ. Идти было очень пріятно: хорошая и красивая дорога, тишина.

На этой дорогѣ меня обогналъ въ одноколкѣ какой то пожилой господинъ почтеннаго вида, который мнѣ поклонился, какъ знакомому; я подумалъ сначала, что это онъ сдѣлалъ просто изъ вѣжливости, но потомъ оказалось, что это повѣренный шведскаго завода — Смитъ, котораго я дѣйствительно разъ видалъ въ Ковдѣ. Это лицо довольно замѣчательное: его зовутъ корельскимъ богомъ. Говорятъ, что у каждаго кореляка въ избѣ виситъ его портретъ. Онъ завѣдуетъ заготовкой лѣса и дѣйствительно этимъ кормитъ чуть не всю Корелію, давая постоянный и хорошій заработокъ населенію. Здѣсь вырубаются цѣлыя тысячи десятинъ лѣса и бревна сплавляются по рѣкамъ и озерамъ въ Ковду на заводы. Только пройдя этотъ путь, мы составили себѣ понятіе о грандіозности этого дѣла и о тѣхъ опустошеніяхъ, которыя производятъ заводы въ лѣсахъ. Резиденція Смита — Кузамъ-кирка; отсюда онъ управляетъ своими набѣгами на лѣсъ.

Подошелъ я наконецъ къ большой горѣ, на которую подымается дорога, и легъ уснуть; и здѣсь наконецъ дождался нашихъ отсталыхъ. Конечно, они ѣхали вполнѣ благополучно, но не могли только получить лошадей. Ну, однимъ словомъ, все разъяснилось. На станціи пришлось подождать немного лошадей и наконецъ мы тронулись.

Дорога до Кузамъ-кирки вначалѣ идетъ все пригорками: то вверхъ, то внизъ. Намъ здѣсь попалась замѣчательная лошадь; какъ мы не очутились въ канавѣ, я совершенно не понимаю. Какъ только приходилось подыматься въ гору или спускаться, она оборачивалась къ кучеру, скалила зубы, выворачивала бѣлки глазъ совсѣмъ какъ лошадь на какой то страшной картинѣ Бёклина или Стука. Пріэтомъ она дѣлала крутые повороты вправо или влѣво, неудержимо стремясь свернуть насъ въ канаву. Кучеръ у насъ былъ микроскопическій мальчишка; ему приходилось упираться ногами въ передокъ, а обѣими руками тянутъ за возжу, чтобы какъ нибудь удержать стремленіе нашего врага.

Если принять во вниманіе, что это повторялось на каждой горкѣ, то вы поймете, что наше путешествіе превращалось въ испытаніе. Мы предпочитали въ концѣ концовъ на горкахъ выходить. Вторая половина дороги была ровнѣе, но также весьма непріятная, такъ какъ она здѣсь идетъ по низкимъ болотистымъ мѣстамъ, надъ которыми подымался сплошной бѣлый туманъ, который пронизывалъ насъ холодомъ. Но вотъ, наконецъ и Кузамъ-кирка; тамъ хорошій теплый постоялый дворъ. Наши всѣ уже спятъ.

Кузамъ-кирка — это своего рода центръ: здѣсь есть почтовое отдѣленіе, но телеграфа нѣтъ. Есть зато телефонное сообщеніе съ Улеаборгомъ и телеграммы приходится отправлять по телефону. Но и то прекрасно; мы вѣдь уже пять дней не могли дать о себѣ вѣсти домой. Селеніе довольно большое, но цифра жителей, поставленная въ путеводителѣ (6000), повидимому сильно преувеличена. Оно широко раскинулось; въ немъ довольно много лавокъ; домики очень чистенькіе, имѣютъ прямо парадный видъ. Это и административный центръ; здѣсь живетъ коронный ленсманъ, который явился къ нашимъ по ихъ прибытіи и, хотя освѣдомился о томъ, кто они и откуда, но даже бумагъ не провѣрилъ. Онъ любезно разговаривалъ съ нашими о политикѣ и высказывалъ весьма патріотическія мысли.

Мѣстные жители смотрѣли на насъ съ недоумѣніемъ; ихъ заинтересовалъ конечно такой наплывъ путешественниковъ. Наши разсказывали, что когда они пріѣхали на почтовую станцію, то туда собралась куча народа; конечно ихъ постигло разочарованіе, такъ какъ по русски никто не говоритъ и узнать они ничего не могли. Потомъ стали появляться отдѣль-

ные велосипедисты въ видѣ развѣдчиковъ. Велосипедистовъ здѣсь такъ много, что говорятъ, даже пастухи на велосипедахъ, а мальчишки, которымъ не сѣсть на большой велосипедъ, умудряются какъ то подлѣзать подъ раму.

Отсюда намъ предложили ѣхать на автомобилѣ; хотя оно дороже, но гораздо скорѣе и удобнѣе. На лошадяхъ этотъ путь до Улеаборга въ 270 километровъ пришлось бы намъ сдѣлать дня въ три, а автомобили проходятъ часовъ въ 10. Въ концѣ концовъ однако дѣло вышло не такъ ужъ привлекательно. Автомобиль приходилось вызывать изъ Улеаборга по телефону, причемъ ввиду вздорожанія чуть не втрое бензина, поднялась цѣна и на автомобиль, а именно за шестимѣстный автомобиль съ насъ запросили 350 марокъ. Пришлось конечно согласиться и на это. Затѣмъ, шедшій изъ Улеаборга автомобиль застрялъ въ дорогѣ, такъ какъ шоферъ ѣхалъ сюда первый разъ. Ну, однимъ словомъ стеченіе массы неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Наконецъ въ понедѣльникъ 28 іюля среди дня мы івшестеромъ: Бреннеръ и такъ сказать лица офиц альныя, двинулись на Улеаборгъ. Было въ нашемъ автомобилѣ одно свободное мѣсто, изъ за котораго метали жребій, а потомъ нѣсколько разъ обмѣнивались, руководимые какими то политическими соображеніями.

Въ путеводителѣ говорится, что отъ Кузамо идетъ прекрасная и живописная дорога до Улеаборга. Я ни того ни другого, по правдѣ говоря, не нашелъ. Живописныхъ мѣстъ очень немного; въ одномъ мѣстѣ только видна красивая сплавная рѣка, а то по большей части обыкновенный финляндскій пейзажъ, какой можно видѣть подъ Выборгомъ. Во всякомъ случаѣ мѣста, нами пройденныя, несравненно живописнѣе. Впечатлѣніе портила также и худая погода; моросилъ частый дождикъ, такъ что пришлось даже поднять верхъ у автомобиля.

Станціи попадаются довольно часто, такъ что перегоны не очень большіе. Для насъ конечно это было не существенно.

Примѣрно на серединѣ пути на паромѣ нашъ автомобиль перевезли черезъ рѣку; тамъ расположено довольно большое село съ чистенькими домиками. Этотъ переѣздъ оказался фатальнымъ для одного автомобиля, который ѣхалъ за нами и предлагалъ даже захватить съ собой кого нибудь изъ насъ. Къ счастью мы не воспользовались этимъ любезнымъ

приглашеніемъ. Къ счастью потому, что этотъ автомобиль не остановилъ во время хода и перескочилъ черезъ паромъ въ воду. Люди спаслись, но автомобиль былъ совершенно испорченъ. Наши, проѣзжая послѣ насъ, видѣли его въ самомъ жалкомъ видѣ и очень испугались, подумавъ, что это мы такъ пострадали.

Въ этомъ селеніи мы остановились на хорошей почтовой станціи, гдѣ насъ накормили прекраснымъ ужиномъ. Здѣсь мы познакомились съ мѣстнымъ лѣсничимъ, очень любезнымъ молодымъ человѣкомъ, который вспомнилъ свой русскій языкъ, которымъ онъ повидимому владѣлъ раньше очень хорошо, и любезно сообщилъ намъ политическія новости изъ послѣднихъ газетъ. Ему вѣроятно очень скучно жить въ такой глуши и поэтому онъ радъ былъ поговорить съ интеллигентными людьми. Мы разсказали ему наши бѣдствія. Конечно больше всего онъ нашелъ сочувствія въ нашемъ спутникѣ Бреннерѣ.

Вторая половина дороги оказалась гораздо хуже: она была сильно размыта дождями; автомобиль подпрыгивалъ тамъ, какъ мячикъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ. Это насъ укачивало и мы дремали тамъ, гдѣ насъ уже не очень подкидывало.

Мѣстность около самаго Улеаборга дѣйствительно очень красива. Проѣзжаемъ около шумящей широкой рѣки Улео съ массой камней, о которые съ шумомъ разбивается быстро текущая вода. Рѣка распадается на нѣсколько рукавовъ, протекая между высокими островами. Въ самый городъ въѣзжаемъ по двумъ мостамъ, на которыхъ берутъ за проѣздъ мзду. Вотъ и городъ. Прежде всего проѣзжаемъ мимо лицея; мы удивляемся, почему это около него такъ много полиціи. Оказывается, что здѣсь помѣщены въ настоящее время плѣнные германскіе подданные — около 60 человѣкъ.

Мы видѣли потомъ, какъ ихъ водятъ гулять по городу, выстроивъ въ колонну: впереди важно ѣдутъ конные полицейскіе, потомъ пѣшіе, а за ними въ ногу идутъ нѣмцы; въ ихъ рядахъ есть и женщины, но очень немного; есть и дѣти. Видъ у нѣмцевъ довольно веселый; по большей части кругленькіе буржуа, но есть и сумрачныя молодыя лица, которымъ повидимому не нравится прогулка по городу.

За лицеемъ большая красивая кирка съ круглымъ куполомъ; немножко странно видѣть лютеранскую кирку не готическаго стиля. Около вокзала пытаемся попасть въ гостинницу, но тщетно. Наконецъ

находимъ себѣ помѣщеніе въ шикарнаго вида отелѣ, но совсѣмъ не дорогомъ — Cocietetсхузъ. Онъ напоминаетъ собой скорѣе театръ, впрочемъ онъ и имѣетъ очень хорошую концертную залу. Прекрасныя комнаты намъ обходятся марки по 4 на двоихъ; и кормятъ также прекрасно.

Выходятъ у насъ опять недоразумѣнія съ автомобилемъ, который между прочимъ здѣсь очень странно называютъ — биль. Дѣло въ томъ, что нашъ шоферъ долженъ былъ сейчасъ же вернуться въ Кузамо, чтобы взять нашихъ. Оказалось однако, что онъ сразу не можетъ ѣхать, такъ какъ машина требуетъ починки. Такъ какъ онъ взялся перевезти всѣхъ насъ, то мы его убѣждаемъ, что онъ долженъ самъ позаботиться о томъ, чтобы найти замѣстителя. Онъ отправляется искать, но никого не находитъ.

Тогда мы требуемъ къ себѣ хозяина гаража и доказываемъ ему, что мы имѣемъ право не заплатить ему, пока онъ не привезетъ всѣхъ въ Улеаборгъ. Онъ съ этимъ соглашается и уходитъ съ тѣмъ, что черезъ 2—3 часа вышлетъ автомобиль. Проходитъ это время, и является какой то другой шоферъ, который говоритъ, что нашъ моторъ починенъ быть не можетъ, а что, если мы желаемъ, то онъ можетъ привезти нашихъ, но за 500 марокъ. Что намъ было дѣлать? насъ приперли къ стѣнѣ. Если не послать автомобиль, то наши застрянутъ еще на нѣсколько дней въ Кузамо, и придется пожалуй ѣхать на лошадяхъ. Тогда прожитіе обойдется очень дорого. Мы будемъ ѣхать дальше, не дождавшись ихъ; а разлучаться намъ не хотѣлось. У насъ случайно оказался большой плюсъ въ финансахъ. Дѣло въ томъ, что мы получили даровые билеты до Петрограда по желѣзной дорогѣ. Въ полицейскомъ управленіи мы узнали, что такіе билеты выдаются всѣмъ русскимъ подданнымъ, имѣющимъ необходимость возвратиться въ Россію.

Поэтому рѣшили всетаки послать автомобиль.

Вообще полицмейстеръ отнесся къ намъ весьма любезно и внимательно, если исключить только одинъ маленькій инцидентъ передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ. Нашъ первый шоферъ такъ больше къ намъ и не являлся, и пришелъ только въ моментъ нашего отъѣзда на желѣзную дорогу. Онъ сталъ требовать уплаты, но мы ему хотѣли объяснить, что онъ собственно не можетъ съ насъ требовать деньги и во всякомъ случаѣ мы можемъ ему уплатить меньше, такъ какъ изъ за него намъ пришлось такъ дорого дать

за второй автомобиль. Но за незнанiемъ языка мы объяснить этого не могли, а онъ въ это время обратился прямо къ полицмейстеру, который былъ тутъ же на вокзалѣ. А полицмейстеръ крикнулъ городового и задержалъ двоихъ, пока мы не заплатимъ. Конечно подъ влiянiемъ такой угрозы мы быстро заплатили все, что съ насъ требовали.

Такъ вотъ, благодаря всему этому инциденту съ автомобилями намъ пришлось сидѣть въ Улеаборгѣ вторникъ и среду и ждать нашихъ. Городокъ славный, чистенькiй; дома въ немъ по большей части деревянные, характернаго финскаго типа, напоминающiе постройки на станцiяхъ Финл. жел. дороги. Каменныхъ многоэтажныхъ домовъ мало. Вообще отъ Выборга онъ сильно отсталъ. Магазиновъ немного и они средней руки. Въ серединѣ города есть небольшiе садики.

Такъ сидѣли мы въ ожиданiи два дня. Бродили по городу; исходили его вдоль и поперегъ. Смотрѣть въ немъ рѣшительно нечего. Пошли мы на второй день утромъ на вокзалъ, посмотрѣть поѣздъ. Народу было видимо невидимо, а намъ говорили: это еще что; вотъ посмотрѣли бы вы, что дѣлалось 2—3 дня тому назадъ. Поѣзда увозили по полторы тысячи. Стояли во всѣхъ проходахъ, на всѣхъ площадкахъ. Рады были, если въ товарный вагонъ пускали; да и не простые пассажиры, а съ билетами перваго класса; называютъ нѣсколько извѣстныхъ аристократическихъ фамилiй. На перонѣ устроены громадные столы и на нихъ хлѣбъ, колбаса, молоко, кофе и пр.; оказывается, что это — кормежка ѣдущихъ изъ заграницы. Ихъ не только везутъ даромъ, но даромъ и кормятъ. На этихъ столахъ мы хотѣли себѣ купить провизiи на дорогу, но намъ не продали: даромъ пожалуйста берите, сколько вамъ надо, но купить нельзя. Это было трогательно, но не совсѣмъ удобно, такъ какъ даромъ мы получать не хотѣли, а за деньги не достать. Точно также и по дорогѣ; мы нѣсколько разъ соблазнялись прекрасными бутербродами, но они оказывались даровыми.

Вообще помощь возвращающимся организована была прекрасно. Многiе дѣйствительно лишились дорогой всего и умерли бы отъ голоду безъ такой поддержки.

Мы разсказывали кому то изъ проѣзжихъ наши злоключенiя. Кто то быстро перервалъ насъ: Ну, это что; вотъ пришлось бы вамъ испытать то, что намъ въ Германiи, что бы вы сказали.

И дѣйствительно, отъ всѣхъ нашихъ спутниковъ по вагону, а это были все сплошь возвращающіеся изъ заграницы, мы наслушались ужасовъ. Встрѣтился намъ и знакомый — преподаватель Юрьевской гимназіи, старичекъ Т. Онъ самъ больше нѣмецъ, чѣмъ русскій, такъ что въ правдивости его разсказа мы не могли сомнѣваться. И онъ разсказывалъ съ какимъ то испугомъ о пережитыхъ страданіяхъ. Я не буду повторять этихъ разсказовъ, такъ какъ ими были полны газеты; читая ихъ, я навѣрно усомнился бы въ ихъ справедливости, такъ какъ относился всегда съ большимъ уваженіемъ къ нѣмцамъ, но теперь я вѣрю всѣмъ сообщеніямъ.

На вокзалѣ какимъ то чудомъ удалось намъ достать одинъ изъ трехъ номеровъ „Рѣчи", которые получаются на станціи. Конечно мы тутъ же набросились на газету; черезъ минуту насъ окружала цѣлая толпа, которая съ жадностью ловила всѣ извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Только третій звонокъ освободилъ насъ отъ этого кольца слушателей.

Пошли мы отъ нечего дѣлать и къ вечернему поѣзду. Уже по дорогѣ мы замѣтили, что по направленію къ станціи двигалась цѣлая толпа. Жители Улеаборга стекались со всѣхъ сторонъ къ вокзалу. Сначала мы подумали, что будутъ отправлять нѣмцевъ, но ихъ не привели. Затѣмъ предположили, что будетъ кто ниб. проѣзжать изъ Швеціи или Россіи. Узнать, въ чемъ дѣло, мы не могли, такъ какъ не у кого было спросить по русски. Наконецъ пришелъ поѣздъ. Среди пріѣхавшей немногочисленной публики оказалось девять индійскихъ дѣвочекъ танцовщицъ, которыя пріѣхали въ какой то мѣстный Варіете. Ихъ встрѣчали почему то представители отъ арміи спасенія. Неужели же по поводу ихъ пріѣзда собралась такая толпа? Больше мы никого интереснаго не видали Возможность такого предположенія привела насъ въ самое веселое настроеніе и мы хохотали, какъ безумные. По истинѣ: отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Съ одной стороны трагедія войны и ея послѣдствій, съ другой — встрѣча цѣлымъ городомъ индійскихъ танцовщицъ.

Въ Улеаборгѣ мы узнали между прочимъ, что на Выборгъ есть еще другой очень интересный и живописный путь, лежащій къ тому же совершенно въ сторонѣ отъ большого движенія. Онъ идетъ по рѣкѣ Улео, потомъ по дорогѣ до озера Улео; по озеру на пароходѣ, отъ селенія Каяна по желѣзной дорогѣ до Куопіо, а оттуда или на пароходѣ, или по желѣзной

дорогѣ до Выборга. Насъ очень соблазняло это путешествіе, но оно во первыхъ обошлось бы опять очень дорого, во вторыхъ заняло бы много времени, такъ какъ пароходы по озеру ходятъ только по опредѣленнымъ днямъ. Пришлось оставить эту мысль и ѣхать прямо.

Наконецъ ночью на четвергъ въ 4 часа пріѣхали наши. Они разсказывали, что дорогой имъ пришлось нѣсколько разъ чинить лопнувшія шины; оттого они такъ и задержались. Во всякомъ случаѣ мы были очень рады ихъ пріѣзду и на слѣдующій день сѣли въ вагонъ; сѣли очень удачно, такъ какъ изъ Улеаборга были прицѣплены пустые вагоны; мы въ нихъ и попали.

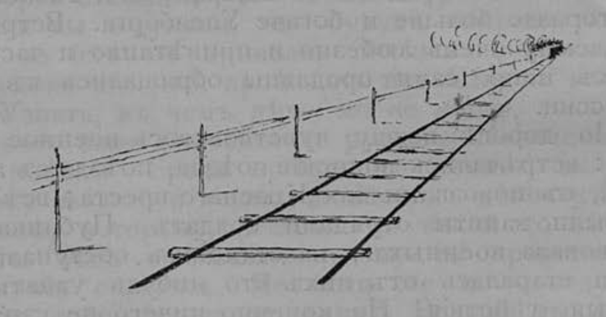
До Выборга мы были въ пути двое сутокъ; иногда приходилось по долгу стоять на промежуточныхъ станціяхъ, ожидая прохода воинскихъ поѣздовъ. Но во всякомъ случаѣ это путешествіе было уже спокойное. Самый путь особеннаго интереса не представляетъ. Попадаются красивыя мѣстности, но обычнаго финскаго типа. Все время дорога идетъ по культурнымъ разработаннымъ мѣстамъ съ хорошими полями и чистенькими фермами. Останавливались мы и въ большихъ городахъ: Таммерфорсѣ и Тавастгусѣ. Они гораздо больше и богаче Улеаборга. Встрѣчали насъ всюду очень любезно и привѣтливо и часто въ лавкахъ напр. сами продавцы обращались къ намъ по русски.

По дорогѣ всюду чувствовалось военное положеніе: встрѣчались воинскіе поѣзда, поѣзда съ артиллеріей, съ повозками для Краснаго креста; всѣ станціи были заняты отрядами солдатъ. Публика привѣтствовала военныхъ; на станціяхъ обступала солдатъ и старалась отъ нихъ что нибудь узнать про военныя дѣйствія. Но конечно ничего не узнавала, а все таки пріятно поговорить съ военными.

Около Выборга чувствуется, что положеніе серьезно; мы въѣхали въ сферу крѣпости, находящейся на военномъ положеніи. Но задержали насъ не долго и мы раньше, чѣмъ думали, въ субботу 2 августа, попали въ Перкъ-Ярви, гдѣ рѣшено было у насъ на дачѣ сдѣлать привалъ, для того чтобы немного отдохнуть и оріентироваться, кому куда ѣхать. Только одинъ нашъ спутникъ В. А. направился прямо восвояси въ Челябинскъ.

Два дня въ Перкъ-Ярви прошли быстро. Наши почистились, приняли городской видъ и немного отоспались. Надо было ѣхать дальше.

На понедѣльникъ 4-го августа былъ назначенъ отъѣздъ. Поѣздъ на Петроградъ идетъ въ 12 час. Пришло время разставаться. Многое хотѣлось сказать на прощанье, но какъ то не говорилось; мы и такъ хорошо другъ друга понимали . . . Соединенные въ тѣсную семью волею слѣпого случая, который толкнулъ насъ на этотъ интересный, но тяжелый и полный приключеній путь, мы такъ сжились, такъ привыкли дѣлить радость и горе, что разставаться было какъ то странно . . . и такъ грустно. Невольно думалось, зачѣмъ судьба насъ сблизила; мы разойдемся всѣ въ разныя стороны и едва ли когда нибудь соединимся еще въ такомъ составѣ. Я думаю только, что каждый изъ насъ сохранитъ память о нашемъ короткомъ совмѣстномъ пути, и что связь между нами останется на всю жизнь. Въ нашей будничной сѣренькой жизни рѣдко приходится переживать настроенія, полныя такой душевной теплоты; спасибо вамъ за эти минуты, мои дорогіе спутники; спасибо вамъ, мои молодые друзья, за ту душевную бодрость, которую я почерпаю въ вашемъ обществѣ.

ЦѢНА 40 КОП.